

Женский вопрос в средневековье

Карл Бюхер

DIE FRAUENFRAGE IM MITTELALTER

VON

KARL BÜCHER

ZWEITE, VERBESSERTE AUFLAGE

TÜBINGEN

VERLAG DER H. LAUPP'SCHEN BUCHHANDLUNG

1910

Электронная книга проекта Gutenberg « » (Женский вопрос в средневековье) Женский вопрос в средневековье

Это электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Женский вопрос в средневековье

Автор: Карл Бюхер

Дата выпуска: 5 августа 2019 г. [электронная книга № 60062]

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

Язык: немецкий

Благодарности: Произведено Питером Беккером, Райнером Руфом и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ» ***

Примечания к транскрипции

Настоящий текст был воспроизведен в максимально возможной степени в соответствии с оригиналом, опубликованным в 1910 году. Типографские ошибки были исправлены без указания на них. Необычные и более не используемые сегодня написания остались неизменными по сравнению с оригиналом; иностранные термины не исправлялись.

Умляу в заглавных буквах (Ä, Ö, Ü), за исключением титульного листа, воспроизведены в виде их транскрипции (Ae, Oe, Ue). Использование «острого S» (ß) не во всех случаях соответствует современным правилам правописания.

В зависимости от шрифта, установленного в соответствующем устройстве чтения, фрагменты, напечатанные в оригинале с пробелами, могут отображаться с пробелами, без засечек или без засечек и с пробелами.

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

КАРЛА БЮХЕРА.

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

ТЮБИНГЕН

ИЗДАТЕЛЬСТВО Н. LAUPP'SCHEN BUCHHANDLUNG

1910

Все права защищены.

Печать Н. Laupp jr в Тюбингене.

ЖЕНЩИНА
ЛИНА ЛУДВИГ
ПОСВЯЩАЕТСЯ.

Мы никогда не сможем отплатить за лучшее, что дают нам женщины, и, посвящая эту книжку тебе, дорогая мама, я знаю, что это не сможет погасить долг благодарности, который я должен признать. Но, возможно, тебе будет приятно вспомнить о том времени, когда в городском архиве Франкфурта сложились мысли, содержащиеся в ней, и я мог отдыхать у вас в Хеппенхайме в многие прекрасные воскресные дни.

Впервые эти мысли были озвучены в лекции, которую я прочитал 28 марта 1882 года в лекционном зале Либига в Мюнхене перед образованными женщинами и мужчинами. Среди слушателей были две пары дружелюбных глаз, которые с тех пор освещали мой жизненный путь и которые теперь погасли. Ты лучше всех поймешь, что я долго не мог решиться переиздать эту книжку, когда она была распродана. Если я все же делаю это сейчас, то не потому, что поддался искушению переделать то, что когда-то создал в дерзком юношеском порыве, с помощью старого, вдумчивого ума. Многим, похоже, понравилась эта книга такой, какая она есть, и хотя сегодня я, возможно, сказал бы многое иначе, ее фактические утверждения выдержали критику. Поэтому улучшения в новом издании ограничиваются небольшими исправлениями и дополнениями, а также одним более значительным изменением в конце, вызванным результатами переписи населения 1907 года. Кроме того, в примечаниях приведены некоторые более точные ссылки, без стремления к полноте библиографических данных. Моя лекция не должна была стать научным трактатом.

Новым дополнением является картинка на обложке и переплете. Она изображает одну из поденщиц франкфуртского шерстяного ремесла, если все верно, в традиционном костюме, нарисованную франкфуртским писцом, который украсил книгу налогов 1405 года забавными рисунками пером. Картинка находится на улице Линдхаймер-Гассе, которая расположена в бывшем квартале ткачей в старом городе. Учитывая суровость средневекового налога, официально иллюстрированный налоговый список является настолько странным явлением, что его автор заслуживает того, чтобы стать известным, по крайней мере, в небольшом образце своего искусства, в XX веке, страдающем от налогов, даже если бы этот образец не был так тесно связан с содержанием этой книжки, как это есть на самом деле. Возможно, она сможет немного смягчить его серьезность и благодаря своей реалистичности вызвать к ошибкам, которых в ней все еще достаточно, то доброжелательное снисхождение, в котором мы все нуждаемся.

Лейпциг, 25 октября 1909 года.

Карл Бюхер.

Содержание.

Вопрос 1. — Их противоречивая сущность 2. — Их статистические корни 3. — Соотношение полов в средние века 5. — Причины значительного превышения числа женщин 7.

Усугубление ситуации ограничениями на вступление в брак 9. — Экономическое положение женщин в древней Германии 10. — Профессиональное образование и облегчение бремени женщин 12. — Якобы исключение из ремесленной деятельности 13. — Фактическое соотношение 15, — в текстильной промышленности 16, в портняжном деле 18, — в других ремеслах, требующих членства в гильдии 19, — в профессиях, не требующих членства в гильдии 20. — Учреждения социального обеспечения: а) монастыри 24; — б) покупка пожизненной ренты 26; — с) семенные дома 27; — d) храмы 32. Статистика 34. Уставы 35. Деятельность бежинок 36. Условия приема 38. Образ жизни 38. Религиозное положение 40. Деградация 41. — Социальное положение женщин в средневековье 43. — Противоположности 45. — Странствующие женщины 48. — Простые женщины в городах 55. Женские приюты 56. Полиция нравов 60. Вмешательство церкви 61. Кающиеся 62. Приюты 63. — Ретроспектива 66. Изменения со времени Реформации 67. — Современный женский вопрос 71. — Примечания 76.

«Женский вопрос», по общему мнению, является вопросом времени, имеющим настолько своеобразный современный характер, что с самого начала может возникнуть сомнение, правомерно ли применять этот термин к явлениям прошлого. Однако, если мы говорим о «вопросах» везде, где видим явное противоречие между существующим положением дел и требованиями разума и справедливости, то вряд ли можно усомниться в том, что мы можем говорить о вопросах прошлого, где мы всегда обнаруживаем подобные противоречия между тем, что *было*, и тем, что должно было быть. При этом совершенно неважно, были ли фактически существующие противоречия осознаны современниками как «вопросы»; вполне достаточно, если такое противоречие может быть доказано или если можно обнаружить попытки и меры по его устранению. Или кто-то хочет отрицать, что современный женский вопрос существовал задолго до того, как он начал обсуждаться в популярных лекциях, на «женских днях» или на эстетических чаепитиях?

Когда я говорю о женском вопросе в средневековье в этом смысле, я далеко не стою на позиции тех, кто считает, что все правовое, политическое и социальное положение женщины противоречит требованиям разума и справедливости. С этой точки зрения, в средневековье, безусловно, было гораздо больше «вопросов» и пожеланий, чем сегодня. Я скорее хочу ограничиться той более узкой частью женского вопроса, которую, возможно, правильнее было бы назвать «вопросом о заработке женщин». Конечно, даже в этом более узком смысле женский вопрос сегодня имеет две стороны. С одной стороны, он представляет собой вопрос защиты женщин в отношении многочисленных работниц промышленности, с другой — вопрос расширения сферы занятости женщин для тех представительниц образованного класса, которые по какой-либо причине ищут применения в экономике за пределами естественной сферы деятельности своего пола.

Какую бы из этих двух сторон вопроса о заработной плате женщин ни рассматривали, всегда приходится возвращаться к поиску его *корней* в том факте, что в настоящее время значительная часть женщин не находит в семье тех возможностей для обеспечения, которые

мы должны желать им по общим причинам (). Этот факт обусловлен в первую очередь статистическим дисбалансом, который существует между числом женщин и мужчин, способных вступить в брак, а затем — либо вынужденным, либо добровольным отказом от брака со стороны части мужчин, способных вступить в брак.

Что касается статистического дисбаланса, то известно, что почти во всех европейских странах среди новорожденных преобладают мальчики, но из-за быстрой смертности мальчиков соотношение между полами выравнивается примерно к 17-18 годам. Там, где население по-прежнему подвержено только естественным влияниям, т. е. где сокращение численности полов происходит только за счет смертности, соотношение между ними может оставаться в равновесии примерно с 18 до 30 лет, то есть в фактическом брачном возрасте. При своевременном вступлении в брак каждая женщина могла бы найти себе мужа. С 30 лет везде преобладает женский пол, и это преобладание увеличивается с каждым десятилетием, так что в самых старших возрастных группах на 10 мужчин приходится в среднем 14–20 женщин.

Таково соотношение полов под *воздействием* чисто *естественных факторов*. Однако во многих государствах эти естественные влияния не могут действовать беспрепятственно. Войны и эмиграция, а также неблагоприятные последствия некоторых видов профессиональной деятельности настолько сильно сокращают число мужчин в возрасте от 18 до 30 лет, что почти внезапно, около 20 лет, первоначальное преобладание мужского пола сменяется преобладанием женского пола. Особенно неблагоприятно сказываются результаты указанных негативных факторов на половом составе немецкого населения. Согласно переписи 1900 года, в Германской империи на 1000 мужчин в возрасте от 20 до 25 лет приходится уже 1012 женщин, а в возрасте старше 20 лет — 1064 женщины на 1000 мужчин. Эта картина становится еще более неблагоприятной, если учесть, что обычно возраст вступления в брак у мужчин примерно на пять лет выше, чем у женщин. Соответственно, если сопоставить мужчин в возрасте 25–30 лет с женщинами в возрасте 20–25 лет, то для немецкого населения на 1000 мужчин приходится 1105 женщин.

Следовательно, значительная часть женщин, достигших брачного возраста, ни при каких обстоятельствах не может сегодня выйти замуж, даже если предположить, что все мужчины хотели бы и могли бы жениться. Однако, как известно, это не так. Значительная часть мужчин (во всей Германии около 10 %) остается неженатой. Очевидно, что оба этих обстоятельства, статистический перевес женщин и социальное зло мужского безбрачия, в совокупности указывают значительной части незамужних женщин на необходимость зарабатывать себе на жизнь. Однако к настоящей необходимости зарабатывать на жизнь это приводит только в так называемых высших слоях общества, для которых не хватает подходящих сфер занятости для женщин.

Из той же самой причины, что и современный вопрос о зарплате женщин, возникает средневековый женский вопрос, о котором пойдет речь ниже. Когда я говорю в общем о *средневековом* вопросе, это не означает, что в обсуждение должны быть вовлечены все средневековые и все слои населения. Я должен ограничиться временем и теми частями населения (), о которых у нас есть источники, то есть немецкими городами с середины XIII до конца XV века.

Статистические данные, которые удалось собрать по трем наиболее значительным средневековым городам Германии[1], единодушно показывают такой значительный перевес взрослого женского населения над мужским того же возраста, что это заставляет предположить, что проблема женщин в городской жизни последних двух веков средневековья была гораздо острее и актуальнее, чем сегодня. Надежный подсчет населения Нюрнберга, проведенный в конце 1449 года, показал, что среди городского населения на 1000 взрослых мужчин приходилось 1168 женщин. Но не только в городских семьях, но и среди служащих классов (слуг, подмастерьев и служанок) преобладало женское начало. Если сложить их с гражданским населением, то на 1000 мужчин приходилось 1207 женщин. В Базеле около 1454 года соотношение, по-видимому, было аналогичным. В двух приходах Св. Альбана и Св. Леонарда на 1000 мужчин старше 14 лет приходилось 1246 женщин того же возраста. Наконец, перепись, охватившая большую половину взрослого населения Франкфурта-на-Майне в 1385 году, показала, что на 1000 мужчин приходилось 1536 женщин, или около 1100 женщин. Эта последняя цифра является минимальной; есть веские основания полагать, что в 1385 году перевес женщин во Франкфурте-на-Майне был еще более значительным.

В любом случае, эти цифры говорят сами за себя; их значение еще усиливается рядом наблюдений, из которых я хочу здесь кратко упомянуть только *одно*. В городском архиве Франкфурта до сих пор хранится большая часть списков, которые велись в 14 и 15 веках в рамках сбора имущественного налога (Bede) (). Этот сбор, как и оценка, осуществлялся комиссией, которая обходила дома. Имущество облагалось налогом на основании письменного заявления налогоплательщиков под присягой, и домовладельцы были обязаны под страхом сурового наказания указывать всех проживающих в их домах лиц с собственным имуществом. Эта процедура, без сомнения, обеспечивает высокую точность определения налогоплательщиков. При этом весьма примечательно, как часто среди налогоплательщиков встречаются одинокие женщины. Согласно многочисленным статистическим исследованиям[2], охватывающим период с 1354 по 1510 год, в этот период женщины составляли от *шестой до четвертой* части всех налогоплательщиков. Если учесть, что в этом соотношении в основном фигурируют одинокие, независимые женщины, что многочисленные монахини, пенсионерки и бекинок, как правило, не учитывались, а также учитывая, что в средневековье женщинам было гораздо сложнее добиться независимости, чем мужчинам, можно представить, насколько резким должно было быть несоответствие в численности обоих полов в гражданской жизни городов.

Здесь сразу возникает вопрос: откуда взялся такой значительный перевес взрослого женского населения над мужским? Я хочу попытаться ответить на него, сделав несколько кратких замечаний. Мне кажется, что здесь следует учитывать три причины:

1. многочисленные угрозы, которым подвергалась жизнь мужчин в средневековых городах в результате постоянных междоусобиц, кровавых гражданских конфликтов и опасных торговых путешествий;
2. более высокая смертность мужчин от часто повторяющихся чумных болезней. По крайней мере, на такое предположение указывают более высокие цифры по женщинам, которые регулярно появляются в франкфуртских налоговых списках после лет чумы[3];

3. неумеренность мужчин во всех видах удовольствий.

Кроме того, нельзя отвергать предположение, что городская профессиональная работа в тесных, нездоровых помещениях, между высокими, плотно прижатыми друг к другу стенами домов, при несовершенстве технических средств требовала от мужчин гораздо более изнурительного физического труда, что борьба за существование при быстрой смене хороших и плохих лет, высоких и низких цен на продукты питания, изобилия и недостатка, была для них, если и не более тяжелой в целом, то, по крайней мере, более нерегулярной и изменчивой, чем в эпоху более совершенного здравоохранения и развитых национальных и международных перевозок.

Какая из этих причин в основном и привела к средневековому переизбытку женщин — неизвестно, но точно известно, что он существовал и находил свое отражение в различных сферах социальной жизни. Также известно, что невозможность для многих женщин найти себе мужа приводила к проблемам, которые средневековые ясно осознавало и пытались решить по-своему.

Прежде чем перейти к рассмотрению этих обстоятельств, мы должны кратко затронуть вопрос о том, насколько ограничения права на вступление в брак усугубляли эту проблему.

Здесь мы сначала сталкиваемся с целибатом духовенства. Их число было непропорционально велико во всех городах. Во Франкфурте-на-Майне в XIV и XV веках при численности населения 8000–10000 человек оно составляло 200–250 человек[4]. Для Любека в тот же период можно предположить 250–300 светских священников и около 100 монахов[5]. В Висмаре в 1485 году число светских священников составляло 150; в Нюрнберге в 1449 году число духовенства составляло 446 человек (включая слуг). Очевидно, насколько неблагоприятно их безбрачие должно было повлиять на показатели брачности женского пола в этих небольших общинах.

Кроме того, гильдейский уклад ремесленного производства отрицательно сказывался на брачном возрасте значительной части мужского населения. Вступление ремесленника в брак зависело от его допуска к мастерству, а это, в свою очередь, зависело от условий, которые благоприятствовали членам гильдии[6]. Как правило, подмастерье не имел права вступать в брак[7]. В результате закрытия многих гильдий, ограничения производственных помещений и торговых лавок в XIV и XV веках сформировался отдельный сословие подмастерьев, у которых не было перспективы стать самостоятельными и создать семью. Однако многочисленные запреты в уставах гильдий, принимать в свои ряды женатых подмастерьев, а также многочисленные примеры из франкфуртских налоговых списков свидетельствуют о том, что браки подмастерьев были не редкостью. Но в любом случае они не были такими легкими и частыми, как сегодня браки фабричных рабочих.

Если мы теперь приступим к ответу на вопрос: *что стало в средневековье с многочисленными женщинами, которым не позволяли выполнять свою «естественную профессию»*, то мы должны прежде всего избавиться от представления, которое привилось большинству из нас с самых ранних школьных лет. Мы слышим в описаниях Тацита в «Германии» о высоком уважении, почти божественном почитании, которым пользовались

женщины у древних германцев; но мы слишком легко упускаем из виду, что тот же Тацит описывает положение женщины в экономике так, что мы вынуждены сделать вывод о большой перегруженности женского пола. Мужчина не уважает никакой другой деятельности, кроме той, которая связана с мечем. В мирное время он лениво лежит на медвежьей шкуре; сон, выпивка и игра в кости заполняют его время. Забота о поле, доме и очаге остается за женщинами, которые вместе с детьми, слабыми и несвободными ведут хозяйство. Помимо поддержания и управления домом, что в наши дни в основном ложится на плечи женщин, они также должны были заниматься производством всех товаров; или, если использовать распространенное выражение: женщина кормила всю семью. Она была одновременно работницей, хозяйкой, домработницей и воспитательницей детей. Таким образом, германцы в свой первобытный период не делали исключений из порядка заработка, который мы и сегодня встречаем у первобытных народов.

Эта ситуация изменилась после великих миграций, когда в мирное время и при росте населения немецкие мужчины согласились заниматься возделыванием земли. Однако большая часть сельского хозяйства, а именно обработка и переработка растительных материалов, по-прежнему оставалась за женщинами. Даже когда из старого замкнутого домашнего хозяйства все больше отделялись отдельные виды деятельности в качестве ремесел, сфера деятельности женщин по-прежнему оставалась очень обширной, как ясно видно из распределения работ в крупных помещичьих хозяйствах (). Среди мужчин-крепостных мы, конечно, уже находим мельников и пекарей, портных и сапожников, кузнецов и оружейников; но женщины не только работали на кухне и в погребе, в саду и в хлеву, но и занимались изготовлением одежды, от стрижки овец и обработки льна до ткачества, окрашивания, кроя, шитья и вышивания, а также варением пива, изготовлением мыла, свечей и множеством других дел, которые позднее постепенно перешли к специальным ремесленникам[8] .

Таким образом, до XIII века, по мере развития профессионального образования, мы наблюдаем все более широкое освобождение женщин от тяжелой физической работы; их деятельность начинает ограничиваться той областью, которую мы обычно называем домашним хозяйством. Но эта область всегда была значительно обширнее, чем сегодня. Прядение и отбеливание, выпечка и пивоварение во многих городах по-прежнему выполнялись женщинами; сапожники и портные, седельщики и строители работали дома на «Stör»; большое количество продуктов, которые мы сегодня покупаем в готовом виде, по-прежнему требовали доработки со стороны женщин.

Все это указывает на то, что в средневековых хозяйствах могло быть задействовано большее количество женщин, чем это возможно сегодня. Так, сироты и вдовствующие женщины часто находили приют и работу в семьях своих ближайших или дальних родственников; в то время семейные узы были гораздо крепче, чем сейчас. Те одинокие женщины, которые не имели такой поддержки, по всей видимости, находились в очень плохом положении в городах. В сельской местности женские руки всегда были желанны в хозяйстве; в городах же, согласно общепринятому мнению, женщины были почти полностью исключены из оплачиваемого труда в ремесленных цехах (за исключением случаев, когда они устраивались в качестве прислуги).

Действительно, нельзя отрицать, что общее положение ремесел в средневековье, по-видимому, принципиально исключало самостоятельное участие женщин в этой сфере. Гильдейская система, которой подчинялись все более или менее развитые ремесла, по своей сути была основана на семье. Гильдии были не просто ремесленными объединениями, а подразделениями общины, выполнявшими правовые, политические, военные и административные функции. Право на ведение ремесленной деятельности включало в себя обязанность нести военную службу и выполнять другие обязанности, к которым женщины не могли быть привлечены. В части е в политических правах, из которых женщины были исключены, гильдии снова играли роль, которая, казалось, делала недопустимым принятие в свои ряды женщин.

Адриан Байер ([9]), автор старейшего сборника законов о ремеслах, утверждает, что мужской пол был одним из необходимых условий для приема в цех. По его мнению, весь социальный порядок основан на том, что каждый пол занимается тем, что наиболее соответствует его природе: мужчина — зарабатыванием на жизнь, женщина — кухней, прялкой, иголкой, бельем; ей также должно быть позволено ткать, лить свечи и варить мыло. Девушка предназначена для замужества; нельзя знать, за кого она выйдет замуж; но обученная сапожница не нужна кузнецу. Кроме того, нельзя учиться только на практике; но и к неопытным холостякам, и к опытным девушкам относятся с пренебрежением. Общение с мужчинами в мастерской небезопасно с моральной точки зрения. Наконец, цех является общественным учреждением; право мастера связано с государственными обязанностями, такими как охрана и наблюдение, для которых женщины не подходят.

Несмотря на это, казалось бы, обусловленное самой природой дела принципиальное исключение женщин по крайней мере из ремесленной деятельности, мы видим, что на протяжении всего средневековья женщины часто занимались ремеслами () — доказательство того, что такая занятость была вызвана необходимостью, обусловленной реальными обстоятельствами. Да, мы даже находим женский труд в ряде профессий, из которых они в настоящее время фактически исключены.

Я не хочу здесь особо подчеркивать тот факт, что вдова мастера могла продолжать дело своего мужа; это достаточно хорошо известно. Кроме того, в некоторых ремеслах и городах эта привилегия ограничена по времени или связана с условием повторного брака с подмастерьем того же ремесла. Я также не хочу придавать большого значения тому, что жены и дочери, а часто и служанки ремесленника могли помогать ему в делах; при всей опеке, свойственной средневековью, это было не так легко запретить. Гораздо важнее, на мой взгляд, то, что женщины и девушки находили многочисленное применение в собственных или чужих ремесленных предприятиях, то как наемные работницы, то даже как самостоятельные мастерицы. Если ремесло относилось к гильдии, то женщины могли здесь и там вступать в гильдии от своего имени на равных правах с мужчинами; если оно не относилось к гильдии, то они, естественно, не подвергались никаким ограничениям. Наконец, мы находим даже ремесла с гильдейским устройством, которые состояли исключительно из женщин.

Конечно, речь идет в первую очередь об областях, в которых женщины работали с давних времен[10]. К ним относится вся *текстильная промышленность*. Хотя ткачество с XII века было самостоятельным ремеслом, находящимся в руках мужчин, тем не менее, работы по подготовке оборудования, чесание шерсти, прядение, вытягивание нити, намотка почти везде еще долгое время оставались в руках женщин. Поэтому во многих местах мы находим многочисленный женский рабочий персонал в *шерстяном ткацком деле*: гребчихи, прядильщицы, мотальщицы, ниточки, ножницы — в основном наемные работницы, подобные нашим домашним или фабричным работницам. Во Франкфурте-на-Майне они находились под надзором двух членов совета. Их деятельность была связана с очень строгими правилами, и в франкфуртском положении о ткачах 1377 года мы находим, пожалуй, самый древний пример регулирования женского труда государственными органами[11]. Нередко мы встречаем женщин, работающих ткачихами, и здесь не только в качестве наемных работниц, но и в качестве независимых членов цеха. Так было в Бремене, Кельне, Дортмунде, Гданьске, городах Силезии, Шпайере, Страсбурге, Ульме, Мюнхене. «Кто является мастером-ткачом или мастером-ткачихой, — говорится в постановлении мюнхенского совета XIV века, — тот должен иметь, если хочет, одного ученика и одну ученицу, но не больше».

Что касается *ткачества льна*, то здесь многогранное самостоятельное участие женщин в ремесле не вызывает сомнений, тем более что в большей части сельской Германии женщины ткали полотно вплоть до XIX века. В Гамбурге женщины могли стать самостоятельными в ткачестве льна при так называемой «узкой работе» (1375); в Страсбурге ткачихи вуалей и льна (1430) были включены в ремесленные гильдии; во Франкфурте-на-Майне мы также находим самостоятельно управляющих «Lineberssen» (1428), хотя, конечно, неясно, следует ли считать их мастерицами или наемными работницами. Ткачество и стирка вуалей там полностью находились в руках женщин; так же, как и в XIV и XV веках они, по-видимому, занимались исключительно вязанием шнуров и тесьмы. В городах Силезии прядение пряжи было отдельным ремеслом, которым занимались как мужчины, так и женщины. В Кельне существовала отдельная гильдия прядильщиц; они должны были пройти шестилетнее обучение, и ни одна мастерица не могла нанимать более трех служанок или наемных работниц. В же, напротив, в *ткачестве барашника*, появившемся в начале XV века, до сих пор не удалось обнаружить следов женского труда.

Немного иначе обстояли дела в *портняжном ремесле*. Здесь женщины, конечно, могли отстаивать свое право на традиционное владение, поскольку в древние времена они шили не только свою одежду, но и одежду мужчин. В «Песни о Нибелунгах» мы читаем, что Кримхильда со своими служанками готовила одежду для уходящих в поход воинов. Но с появлением первых швейных цехов портные шили не только все виды мужской одежды, но и женские наряды, да и вообще занимались пошивом всего белья[12]. При этом мы замечаем и здесь активную деятельность женщин. Не только то, что в портняжном ремесле женщины и дочери мастеров гильдии работали в большей степени, чем в других ремеслах; во многих местах женщины могли вступать в гильдию в качестве независимых мастеров, они даже могли иметь своих работниц и принимать учениц. Во Франкфурте и Майнце, как и во всех городах Среднего Рейна, стремились облегчить их прием в гильдию, устанавливая для женщин более низкие вступительные взносы[13]. Только в XV веке в городах Рейна возникли

очень затяжные споры между портными и швеями, которые в конечном итоге привели к тому, что сфера деятельности последних была ограничена теми видами рукоделия, которые и сегодня остаются прерогативой женщин.

Есть еще ряд других ремесел, которые в средневековые выполняли женщины. Однако подробно останавливаться на этом здесь было бы слишком долго. Поэтому я ограничусь кратким перечнем ремесел, в которых использовалась женская рабочая сила. Это: куртники (во Франкфурте и городах Силезии), пекари (в городах Среднего Рейна), вышивальщики гербов, ремесленники по изготовлению ремней (Кёльн, Страсбург), ремесленники по изготовлению ремней (Бремен), изготовители четок (Любек), ткачи (Франкфурт), кожевники (Нюрнберг), золототкачи и золотоплетильщики (в Кёльне). В уставе последних говорилось: «Ни один золотобой, чья жена является золотопрядильщицей, не может иметь более трех дочерей, занимающихся золотопрядением; золотопрядильщица, чей муж не является золотобоем, может иметь четырех дочерей, но не более, которые занимаются золотопрядением». Во главе обоих ремесел стояли мастер и мастерица, которые должны были наблюдать за работой и проверять ее. Конечно, речь могла идти только о ремеслах, которые по своей природе были подходящими для нежного пола, поскольку постоянным принципом старого ремесленного права было то, что никто не должен был входить в гильдию, кто не мог заниматься ремеслом своими руками.

В целом мы можем утверждать, что в средние века женщины не были лишены права заниматься любой профессией, для которой хватало их сил. Они имели право обучаться ремеслу в соответствии с установленными правилами, заниматься им в качестве помощниц и даже мастериц^[14]. Однако уже в ранний период мы наблюдаем тенденцию к все большему подавлению женского труда. Сначала она направлена против вдов мастеров, чье право ограничивается определенным сроком (год и день) или связывается с определенными условиями. Затем против совместной работы служанок и женщин членов семьи, и, наконец, против самостоятельной деятельности женщин в цехах. Ассоциации подмастерьев начинают отказываться работать рядом с женщинами-работницами; мастера жалуются на ухудшение своего материального положения. В XVI веке государственные власти еще сопротивляются этим узколобым стремлениям, но в XVII веке они полностью ослабевают, и так происходит, что только в единичных случаях женский труд в ремеслах сохранился до XVIII века^[15].

Что касается неремесленных профессий, то в них труд женщин, по-видимому, никогда не подвергался каким-либо ограничениям. Только в стационарной мелкой торговле, которая сейчас обеспечивает независимость и средства к существованию стольким женщинам, рыночная полиция, по-видимому, часто вмешивалась в ущерб женщинам, в то время как в разносной торговле они, по-видимому, были более широко представлены. Так, во Франкфурте женщинам запрещено заниматься продажей одежды и рыбы, за исключением случаев, когда мужчина отсутствует; в Мюнхене жена мясника или забойщика не должна стоять за прилавком и продавать мясо^[16]; в Пассау () жена торговца солью могла заниматься его делом только в том случае, если муж был болен. Продавцы и торговцы продовольствием почти везде были мужчинами; только в Ульме женщины-торговцы составляли отдельную женскую профессию^[17].

Возможно, для наглядности сказанного будет полезно кратко перечислить виды профессий, в которых я нашел женщин, занятых в франкфуртских документах периода между 1320 и 1500

годами. Их можно разделить на четыре группы. В первой, которая включает профессии, в которых встречаются только женские имена, было 65 видов занятий. Вторая группа включает профессии, в которых преобладают женщины; их, конечно, только 17. Но им противостоят 38 профессий, в которых мужчины и женщины представлены примерно в равной степени, и 81, в которых объем их деятельности отставал от объема деятельности мужчин[18]. В результате получается около 200 видов профессий, в которых работают женщины. Среди них, конечно, наиболее заметны уже упомянутые вспомогательные профессии в текстильной промышленности. Изготовление шнурков и лент, чехлов и вуалей, пуговиц и кисточек полностью находится в их руках. Как и в портняжном деле, они участвуют в меховом деле, перчаточном и шляпном деле, изготавливают сумки и мешки, кожаные нагрудники и шпоры. Их деятельность простирается даже на мелкую деревообрабатывающую и металлообрабатывающую промышленность: из их рук выходят иглы и пряжки, кольца и золотая проволока, метлы и щетки, коврики и корзины, четки и деревянные миски. Кондитерское дело, по-видимому, в основном принадлежит им; они почти исключительно владеют пивоварением и производством свечей и мыла. Они преобладают в чрезвычайно специализированной розничной торговле: фрукты, масло, куры, яйца, сельдь, молоко, сыр, мука, соль, масло, горчица, уксус, перья, пряжа, семена продаются почти исключительно ими. Торговля на рынках и барахолках, да даже очень развитая торговля овсом и сеном во многих случаях находится в руках женщин. Они бродят среди авантюристов и скоморохов, торгуя с рук. В банях Франкфурта работали от 30 до 40 купальщиц; иногда можно было даже побриться нежными руками, а в винных погребах всегда можно было послушать игру женщин-музыкантов, таких как лютнисток и цимбалисток, флейтисток, скрипачек и колокольчиков. Писари и печатницы встречаются, по крайней мере, в единичных случаях; уже в 1346 году упоминается художница, а с 1484 года часто упоминается Ютхен, художница-кукольница. Даже в городской службе женщины используются не только в качестве акушерок и медсестер (), но и в качестве сторожек, швейцарок, сторожек башен ([19]), таможенниц и пастушек. Среди 11 человек, которым в 1368 году совет передал право обмена валюты, упоминается не менее 6 женщин (); мы встречаем одну женщину в качестве арендатора пошлины на холст и другую в качестве надзирателя и сборщика пошлин в городской казне ([20]). В XIV веке часто встречается светская школьная учительница, *Lyse*, которая учит детей, также сокращенно *lerern* или *kindelern* — возможно, средневековая воспитательница. Но в 1361 году вместе с ней упоминается Katherine schulmeisterin — доказательство того, что это не единичное явление. В Любеке с давних времен было принято, что уважаемые женщины могли учить маленьких девочек писать и читать. Кроме того, на протяжении всего XIV и XV веков в большинстве городов были женщины-врачи. Между 1389 и 1497 годами во Франкфурте было зарегистрировано не менее 15 женщин-врачей, среди которых были 4 еврейские врачи и 3 офтальмологи[21]. Некоторым из них совет даже предоставлял почести и налоговые льготы за лечение городских слуг. Наконец, в беспокойные времена, когда в окрестностях собирались грабительские и мародерские банды, женщины нередко использовались в качестве разведчиков[22]. Таким образом, одна из самых смелых мечтаний наших современных сторонников эмансипации уже была полностью реализована в средневековье.

Каким бы обширным ни казалось поле самостоятельной трудовой деятельности, доступное женщинам в средневековье (), оно ни в коем случае не было достаточным, чтобы обеспечить работой всех женщин, лишенных мужской защиты. Молодым женщинам работу и хлеб обеспечивала служба в качестве прислуги, которая в средневековье требовала относительно больше сил, чем сегодня. кроме ткацкого и швейного производства, существовали и другие

ремесла, в которых была занята женская рабочая сила. Так, в Любеке это были игольщицы, маляры, мастера по обработке янтаря и бани. Но женская заработная плата[23] даже в средневековье была чрезвычайно низкой, вероятно, из-за большого наплыва работниц в упомянутые промышленные отрасли. Поэтому многие были вынуждены искать себе другое жилье.

Следующим убежищем для них стали *монастыри*, и действительно поразительно, насколько во второй половине XIII и в XIV веке повсюду в немецких городах увеличилось количество женских монастырей. В это время возник мощный импульс, исходивший от нищенствующих орденов, в число клиентов которых входили почти все вновь основанные женские монастыри. Если старые женские монастыри и учреждения-покровители были приютом для дочерей бедной знати, то новые монастыри предлагали приют для излишних женщин из высшего сословия и родов, некоторые из которых поставляли послушниц в монастыри ближайших и более отдаленных окрестностей. Те, кого обманутые надежды, пережитые страхи и скорбь *ternis*, потеря мужей, родителей, братьев и сестер, страх перед жестоким, насильственным миром или глубокая религиозная потребность побуждали принять покров, находили, если у них были необходимые средства, здесь находили спокойную жизнь, возможность получить духовное образование и тихо заниматься воспитанием и женским рукоделием, а в крайнем случае — по крайней мере, развлечения и различные удовольствия. Средневековое стихотворение[24] очень живо описывает жизнь в монастырях:

«Там были женщины, которые служили Богу с умом:

Старые и молодые читали и пели

В течение дня, они служили Богу,

Как они умели лучше всего, и должны были подчиняться,

Когда не должны были *петь, шить или вышивать*

Или *работать* за ткацким *станком*; каждая из них стыдилась этого,

Если бы музыка осталась; они *составляли* или *писали*.

Это *учит* школьная *учительница*

Молодых *петь* и *читать*, как они должны быть воспитаны,

Говорить и *читать*, *петь* и *писать*.

Итак, пение, чтение, письмо, языковое обучение, уроки хороших манер — вот какими элементами состоялось женское монастырское образование; богослужение, шитье, ткачество, вышивание заполняли остальное время монахинь. Здесь и там они также занимались переписыванием книг[25]. Но особенно славились школы вышивания монахинь[25], и искусные творения их рук на мессных одеждах, покрывалах и настенных коврах до сих пор вызывают наше восхищение. Для сбыта своих ремесленных изделий монастыри время от времени открывали в городах собственные торговые точки. Однако при этом они вступали в конкурентную борьбу с независимыми ремесленниками и купцами, что в большинстве случаев заканчивалось тем, что монастырям строго предписывали, какие именно виды тканей они могли продавать.

Само собой разумеется, что только небольшая часть женщин, превышающих число мужчин, могла найти приют в монастырях. Для многих, кто по внутренним или внешним причинам не мог принять монашеские обеты, нужно было найти другое решение, и нашим предкам следует отдать должное за то, что они сумели найти и реализовать для этой цели отличные средства, учитывая условия того времени. Эти средства были разными в зависимости от того, были ли женщины, исключенные из семейного союза, богатыми или бедными.

Если незамужние девушки и вдовы обладали *состоянием*, то в XIV и XV веках они покупали на него *пожизненную ренту*, на которую могли прожить до конца своих дней, подобно тому, как раньше часто передавали свое имущество монастырю, чтобы обеспечить себе беззаботную старость. Некоторые города, которые часто испытывали финансовые затруднения, пополняли свои казны, продавая пожизненные ренты иностранцам с одновременным предоставлением им гражданских прав. Таким образом, они выполняли функции современной страховой компании, и немало женщин из сельской местности таким образом обеспечили себе городскую защиту и беззаботную старость[26].

Также легко было заметить, что состоятельные женщины, особенно те, которые были родственницами, *объединялись по три или четыре*, чтобы вести *совместное хозяйство*. Многие такие небольшие группы женщин, добровольно живущих вместе, встречаются в франкфуртских книгах учета. Каждая из участниц сохраняла свое отдельное имущество и платила с него налоги. Каждая, возможно, вносила свой вклад в хозяйство.

В Страсбурге такие добровольные объединения привели к созданию постоянной организации. Здесь образовались собственные *общества*, так называемые *Samenungen* (собрания) состоятельных женщин и девушек с целью совместной жизни в тихом уединении[27]. Таких *Samenungen* было *три*; все они были основаны во второй половине XIII века. Женщины, входившие в их состав, назывались «Pfründenschwestern» (сестры-преподобные), «Pfründnerinnen» (преподобные), а также «Mantelfräulein» (дамы в плащах), потому что они носили собственный костюм духовного покроя.

Как и все средневековые объединения, которые могли быть созданы в коммерческих, социальных или благотворительных целях, семинарии с самого начала были тесно связаны с церковью. Доминиканец Фридрих фон Эрштайн () составил их первые уставы (1267 г.); его орден и в дальнейшем заботился о сестрах. Согласно этим уставам, в первый век своего существования сестринства жили в полной общине имущества. Для приема в общину требовалось, чтобы вступающая в нее обладала достаточным состоянием, чтобы прожить на него. Если она уходила до достижения 14-летнего возраста, она должна была заплатить 40 пфеннигов за каждый месяц проживания в доме и вернуть то, что она получила от сестер в виде одежды и т. п. Если она уходила после 14 лет (например, для вступления в брак), она могла забрать с собой только одежду и постельные принадлежности, но должна была оставить принесенное ею имущество; если она хотела поступить в монастырь, ей возвращали пять фунтов из ее имущества. Непристойные речи, склонность к ссорам, завязывание отношений с мужчинами влекли за собой исключение. Не следует думать, что девушки из «Мантельфрау» принимали монашеский обет безбрачия; достаточно ясно, что и сегодня членство в таком объединении должно прекращаться при вступлении в отношения с мужчинами или при вступлении в брак одной из участниц. В случае распада «Саменунг» имущество объединения должно было быть равномерно распределено между сестрами.

До середины XIV века в этих женских обществах под духовенством доминиканцев велась тихая, созерцательная, но в то же время духовно оживленная жизнь. Все, что происходило в то время в религиозной сфере, находило здесь горячий отклик. В частности, строгие мистики Мастер Экхарт и Иоганн Таулер были в них желанными гостями. Сестры слушали их проникновенные, глубокие проповеди и переписывали их трактаты. Вскоре после этого (1355) Рульман Мерсвин написал о них: «Они были очень молчаливыми, простодушными, добросердечными женщинами и обладали такой большой простодушной внутренней серьезностью, что Бог тайно даровал им Свою милость».[28]

Позже это изменилось. Дух согласия и сестринской любви все больше исчезал из общин. Потребовались очень подробные уставы, которые частично отменяли общину имущества и предписывали правила поведения в доме до мельчайших деталей. Сестры сохраняли свою частную собственность и могли в любое время выйти из объединения, если у них появлялась возможность выйти замуж. В то время как имущество отдельных сестер, возможно, не хватило бы для ведения самостоятельного хозяйства, соответствующего их положению, совместное хозяйство позволяло себе определенную роскошь. Не было недостатка в вполне приемлемом меню, серебряной посуде и драгоценностях; содержались служанки, приглашались гости за стол; они посещали турниры и танцевальные вечера в пивных аристократического общества; да, они могли позволить себе посещать роскошные курорты в Шварцвальде и Швейцарии. В 1414 году было постановлено, что каждая новая пожизненная пенсионерка должна была дать дому 60 фунтов, а та, которая возвращалась в мир, должна была оставить половину своего домашнего имущества.

Благодаря таким учреждениям, а также пожертвованиям и завещаниям, которые им доставались, сестры-благотворительницы становились все богаче, но тем же самым и быстрее приходили в упадок. Их внутренняя серьезность исчезла, сообщает Рульман Мерсвин; вместо того, чтобы молиться и читать благочестивые книжки, они развлекались всевозможными мирскими сплетнями; зависть, ревность и взаимное недоверие доминировали в их домашней жизни. Старинный костюм, шерстяная одежда и длинная вуаль, которые они все еще носили, не уберегали их от мирских удовольствий и гордости; даже мимо купели, по мнению Гайлера фон Кайзерсберга, они не могли пройти, не посмотрев на свое отражение в ней. В своих домах они жили роскошно и в радости; в городе их приглашали в гости; они не пропускали ни одного развлечения[29]. Неудивительно, что Реформация, как и многие подобные объединения, быстро смела их с лица земли.

Гораздо тяжелее была судьба *бедных* женщин, которые были лишены кормильца и не могли найти работу ни в коммерческой сфере, ни в монастырях. В большинстве случаев у них была надежная возможность выйти замуж только в том случае, если они приносили в брак право членства в гильдии как дочь или вдова мастера. Конечно, существовали многочисленные фонды и завещания, которые приносили им пользу — раздача денег и хлеба, супа и мяса, дров и одежды. В средние века попрошайничество не считалось позором, а милостыня — религиозным долгом; тем более не нужно было стесняться просить пожертвования и подарки, тем более что от получателей милостыни требовалось взамен посещение церкви и молитва за спасение души дарителя. Старые и немощные люди также находили приют в больницах в качестве пожизненных получателей пособий.

Но эти средства не обеспечивали постоянной и достаточной помощи; они в основном не работали, когда были наиболее необходимы, в периоды общего дороговизны и бедствий.

Поэтому весьма примечательно и является решающим доказательством широко распространенной бедственного положения женщин тот факт, что с середины XIII века повсюду в Германии были основаны многочисленные *учреждения*, предназначенные исключительно для обеспечения бедных одиноких женщин. Это были так называемые «*дома Бога*» () или «*учреждения бекинок*» (*Bekinenanstalten*)[30] .

Обычно институт бекинок и бекардов рассматривают только с религиозной точки зрения и сравнивают их с терциариями, обширным придатком нищенствующих орденов из числа мирян. Известно, что этот «третий орден покаяния», основанный доминиканцами и францисканцами, состоял из мирян обоих полов (), которые, не отказываясь от брака и своей гражданской профессии, подчинялись надзору орденов, участвовали в их обрядах и молитвах, отказывались от мирских удовольствий, носили скромную, простую одежду и обязывались проявлять милосердие, соблюдать заповеди Божьи и предписания Церкви. В похожих отношениях, как и эти минориты, находились также бекины и бекарды по отношению к нищенствующим орденам. Они носили простую одежду, похожую на монашескую, и брали на себя определенные религиозные обязательства. Однако они не имели большего отношения к монашеству, чем, например, братства ремесленников, прокаженных, слепых и хромых. Более того, мы можем наблюдать, как городские советы всеми доступными им средствами стремились сохранить светский характер бекинок (бекарды были немногочисленны и здесь нас не интересуют).

Появление бекинок — по крайней мере в немецких городах — повсеместно связано с основанием домов Божьих. Под последними понимаются дома, которые богатые миряне, мужчины и женщины, посвятили цели приюта определенного числа бедных, брошенных женщин и девушек. Их также называли *Einungen* (Франкфурт-на-Майне) или *Sammlungen* (Ульм), *Seelhäuser* (Ульм, Мюнхен), *Regelhäuser* (Мюнхен), *Maidehäuser* (Майнц), *Konvente* (Везель), а в некоторых случаях также *Klausen* — последнее название было распространено в деревнях и в уединенных районах. Часто основатели не ограничивались предоставлением жилья; они также обеспечивали содержание зданий, дрова и свет, а иногда и часть питания, путем назначения пенсий и других льгот. Жительниц таких домов обычно называли *сестрами*, в Страсбурге — *добровольными или бедными сестрами*, во Франкфурте-на-Майне — *духовными сестрами, детьми или бедными детьми*, в Мюнхене — *монахинями*, в Констанце — *Мантельницами*; позднее повсеместно стало использоваться название бекины, бегинки, а кое-где также бегутки.

Число женщин, которые могли быть приняты в такой храм, обычно было не очень большим и, как правило, устанавливалось основателем. В Вормсе оно колебалось от 2 до 6, в Франкфурте-на-Майне () от 2 до 15, в Страсбурге наиболее распространенным числом было 20; но были также дома с 3, 4, 6, 8, 10, 12 и даже с 22 и 26 сестрами. Так называемые *Bekinenhöfe*, то есть окруженные стенами дворы, которые включали в себя несколько жилых и хозяйственных построек для большого числа сестер, мы находим преимущественно в городах Нижнего Рейна и в Бельгии. В *монастырях* обычно жила только одна бекина или монахиня.

Большинство этих храмов были построены между 1250 и 1350 годами. Характерно для их светского характера, что все они названы в честь своих основателей. Их количество в

отдельных городах и их окрестностях было очень большим. Во Франкфурте известно 57 таких домов (около 3 процентов от всех жилых домов города), в Страсбурге — 60, в Базеле — более 30, в Шпайере — 6; в Мюнхене подтверждено наличие только 7 таких домов.

Что касается *общего числа бекинок*, то для отдельных городов нет достоверных данных. По оценке, основанной на довольно надежных данных, в конце XIV века во Франкфурте-на-Майне было более 200 бекинок. Более 6 процентов взрослого женского населения (в то время в городе проживало около 9000 человек) находилось в домах Бога. Хартвиг подсчитал, что в любецких учреждениях для одиноких женщин, которые, конечно, не были исключительно монастырями (конвентами), могли содержаться 600 человек. Из основанных до 1330 года страсбургских монастырей 12 могли принять 195 сестер; все вместе они могли разместить более 600 человек. Еще более многочисленными, по-видимому, были бекины в Нижнем Рейне. В Кельне их было 2000, в Нивелле и Кантибри у Камбре — 1300, а в бекинском дворе у Мехелена — «до 1400 или более»^[31]. Однако к последним цифрам следует относиться с некоторой долей недоверия.

Как уже следует из названия «дома Божьи», эти учреждения были основаниями христианского милосердия, возникшими из религиозных потребностей тех, кто считал своим долгом — и, безусловно, справедливо — посвятить свои земные блага служению Богу, заботясь о предоставлении жилья женщинам, покинутым всем миром и подверженным всякой опасности. В первую очередь здесь находили приют осиротевшие или оставшиеся незамужними бедные девушки, бездетные вдовы, дочери многодетных ремесленников, старые верные слуги. В XIII веке нередко одинокие женщины из зажиточного буржуазного сословия, да даже из городских родов и дворянства, присоединялись к бедным сестрам, которым они затем передавали свое состояние.

Уставы молитвенных домов, которые обычно давались уже в учредительном акте, в первое время были чрезвычайно простыми. Только позже, когда выявились недостатки, были составлены очень подробные уставы и внутренние правила для сестер. Они, конечно, адаптированы к конкретным условиям. Здесь я ограничусь выделением из них наиболее важных общих черт.

Основой существования сестер, объединенных в доме Божьем, были доходы от фонда. Если их не хватало на жизнь, женщины должны были зарабатывать на пропитание *трудом*: вязанием и шитьем, прядением и ткачеством. Бекины Нижнего Рейна регулярно сотрудничали с отбелочными площадками. Конкуренция со свободными ремесленными предприятиями, с которой им приходилось здесь сталкиваться, нередко облегчалась благодаря привилегиям, предоставляемым городскими властями и князьями. Так, в 1293 году бекины Вюрцбурга получили право продавать свои собственноручно изготовленные ткани на метраж^[32]. В 1310 году герцоги Болеслав, Генрих и Вендислав разрешили бекинам из Вроцлава заказывать у ткачей города белые и серые ткани и продавать их целыми кусками^[33]. В Констанце несколько ткачей шерсти отказались ткать для «бедных сестер в доме плащаниц» шерстяную пряжу, которую они пряли. По жалобе сестер мастера цеха постановили, что ткачи должны ткать для них то, что они прядут, чтобы они могли носить это на себе; однако сестры не должны никому разрешать кроить или продавать эту ткань, ни в своем доме, ни перед ним^[34]. Менее строгим является II. Вюртембергский земельный устав 1515 года^[35]. В нем «разрешается, чтобы в каждом ведомстве сестрам и бегинкам в их

домах было определено количество сестер, которое они должны иметь, и не более того, что для этих сестер также может быть установлено количество ткацких станков, но не более, чем указано в , а именно, по одному ткацкому станку на четыре сестры и не более, чтобы жители не были перегружены и могли заниматься своими делами».

Кроме того, бекины должны были совершать дела милосердия, кормить бедных, навещать больных, провожать умерших в последний путь. В Мюнхене их исключительной задачей было уход за больными и забота о мертвых; в Аугсбурге они ухаживали за больными в больницах; в других городах они, как и сегодня милосердные сестры и диаконисы, ухаживали преимущественно в домах. Во Франкфурте им, вероятно, передавали подкидышей, а в Везеле — других бедных детей для воспитания и обучения чтению, письму и рукоделию. Кроме того, они должны были отмечать день смерти основателя и благодетеля своего дома молитвой за их души в церкви.

Принятие сестер происходило при основании храма основателем или основательницей, позже — в основном путем голосования всех присутствующих сестер. Если принятая сестра приносила с собой собственное имущество, она сохраняла право распоряжаться им и также облагалась налогом, если его сумма превышала определенную величину[36] ; после ее смерти в Страсбурге оно передавалось наследникам, а во Франкфурте — храму. Во многих бегинских общинах Нидерландов требовалось приобрести участок земли и построить на нем домик для проживания; наследство умерших членов общины переходило в собственность общины. В некоторых случаях перед окончательным принятием в общину требовалось пройти испытательный год. Выход из общины с целью вступления в брак или по другим причинам был разрешен в любое время. Исключение из общины происходило за плохое поведение, непослушание, нарушение согласия, бродяжничество и запрещенные отношения с мужчинами. В большинстве случаев при этом необходимо было проконсультироваться со светским опекуном церкви или исповедником сестер.

Управление общим хозяйством бекинок было поручено одной, а иногда и нескольким мастерицам. В первом случае назначение происходило путем всеобщего голосования, во втором — путем довыборов. В Страсбурге руководительницы менялись каждый год, во Франкфурте они, как правило, назначались пожизненно. Сестры были обязаны подчиняться мастерице. Однако, по-видимому, нередко встречались непокорные элементы. Известно как минимум два случая (из Франкфурта-на-Майне и Ульма), когда в крупных домах бекинок были оборудованы тюрьмы для наказания непокорных.

Традиционная *одежда* бекинок соответствовала стилю одежды простых горожанок. Она состояла из платья из серого, черного или синего шерстяного полотна с белым льняным капюшоном и белым покрывалом, поверх которого они надевали черное шерстяное платье, когда выходили на улицу. Отсюда и произошли названия «серые», «черные» или «синие сестры». *Питание* обычно было очень простым. Более богатые храмы могли позволить себе некоторые расходы в этом отношении. В некоторых страсбургских учреждениях такого рода сестры ежедневно получали вино, причем в немалых количествах. В дни годовщины основателя и других благотворителей стол обычно был более богато накрыт. Домашнее *имущество* обычно было довольно скудным; как правило, сестры приносили с собой только свою постель и одежду.

Днем сестры находились в общей гостиной, единственной, которая отапливалась зимой. В Страсбурге им не разрешалось пряхсть в этой комнате, чтобы не мешать тем, кто был погружен в благочестивые размышления, шуршанием колеса[37]. В монастыре на песке в Везеле также была предписана общая спальня. Только «больные и старые лысые» могли размещаться отдельно[38]. По-видимому, они не были связаны никакими особыми правилами в отношении распределения времени на работу и сон. Но ни одна сестра не должна была выходить без разрешения настоятельницы и никогда одна, а всегда вдвоем, а также не до восхода и не после заката солнца, если только настоятельница не давала на то разрешение по уважительной причине[39].

В религиозном отношении бекины не имели других обязательств, чем все почтенные женщины, но их соблюдение контролировалось городским священником или духовенством ордена. Церковь, естественно, стремилась поставить столь распространенные учреждения под свой полный контроль и руководство. В частности, в XIII веке она пыталась относиться к бекинам как к духовному ордену, и в 1244 году синод в Фрицларе принял решение, что не допускается прием сестер моложе 40 лет. Однако, насколько мы можем судить, это решение нигде не было выполнено. Городские советы, напротив, делали все возможное, чтобы не допустить превращения моленных домов в церковные учреждения; они назначали им светских опекунов и управляющих для ведения имущественных дел и поддержания порядка (); они подчиняли их во всех гражданских отношениях общему праву. Возможно, это дало больше поводов для преследований, которые в начале XIV века были возложены на бедных сестер со стороны церкви, чем ереси, в которых их обвиняли. Отдельные храмы, конечно, приняли правила третьего ордена[40], но только там, где это позволяла светская власть; другие уже были поставлены их основателями под надзор какой-либо духовной власти. Однако даже в этих случаях влияние духовенства распространялось только на религиозно-нравственную сторону.

В XV веке в разных местах бекины сильно деградировали. Многие монастыри разбогатели благодаря многочисленным небольшим пожертвованиям и завещаниям, которые они получали с течением времени, и их доходы от ренты позволяли сестрам вести бездельную жизнь. Работа на прялке и ткацком станке была прекращена; сестры все больше и больше ограничивались легким и прибыльным ремеслом гробовщиц и плакальщиц. Религиозный дух, который ранее царил среди них, заметно угасал. Можно себе представить, к каким последствиям привело сосуществование таких в основном необразованных, лишенных высшей цели в жизни, но обеспеченных в своем существовании женщин, некоторые из которых еще были в юном возрасте. Мужчины не имели права входить в храмы, но с ними встречались за их пределами. К этому добавлялось пагубное влияние нищенствующих орденов, которые часто занимались душпастырством сестер и имели свободный доступ в их учреждения. Уже в 1372 году strasbourg монахини из монастырей Св. Маркса, Св. Екатерины и Св. Николая в undis жаловались папе Григорию XI на доминиканцев: «они хотят оказывать нам духовную помощь только, если мы дадим им деньги, драгоценности и другие вещи; они приходят в наши монастыри в коротких юбках, шапках с лентами, сапогах, как светские люди; они танцевали перед нами и призывали нас к тщеславному удовольствию, да, некоторых из нас они соблазнили к греху». Если такое могло происходить в монастырях, то что же могло происходить в более доступных храмах! Себастьян Брант описывает страсбургских бекинок как бесполезный народ-паразит; они были годны разве что для того,

чтобы бормотать платные молитвы во время процессий и похорон. Во Франкфурте-на-Майне в публичных документах их ставят в один ряд с проститутками самого низкого сорта. Неудивительно, что современники не могли составить четкого представления о true character of the whole institution и что автор «Писем темных людей» задается вопросом, были ли лолхарды и бегутты в Кельне духовными или светскими людьми. Брант заканчивает свое описание бекинок, без сомнения, искренним вздохом:

«Ach werent sy zu Portugall,

Ах, будь они на том же месте,

Где растет перец,

И никогда не вспоминали об этом месте!

Я бы с удовольствием подарил им дорогую».

Реформация очень быстро покончила с устаревшим институтом; она вернула церкви их обычное назначение или превратила их в больницы, школы и т. п.; только в Нидерландах бекины сохранились до последнего времени.

Неизбежно, что большое количество одиноких женщин в средневековье привело к гораздо более серьезным явлениям, в частности, к неблагоприятному влиянию на *отношения между полами*. В целом здесь уместно заметить, что можно прийти к совершенно искаженной оценке средневекового общества, если рассматривать эти отношения только в розовом свете, в котором их превозносили рыцарские песни о любви и служении дамам. Это идеальное состояние утонченной чувственной насладительности даже в XII веке было ограничено относительно небольшим кругом людей, и даже здесь, возможно, существовала очень значительная разница между теорией и практикой любви. В XIV и XV веках от столь превозносимой благочестивой нравственности и нравов в городской жизни, которую мы в этом отношении знаем более подробно, осталось не больше, чем в рыцарстве, находившемся в состоянии быстрого упадка. Супружеская верность в высших слоях общества на протяжении всего средневековья не была очень распространенным явлением; внебрачные дети воспитывались в семье отца вместе с законными сыновьями и дочерьми; грубая, почти дикая чувственность доминировала в отношениях между полами во всех слоях населения. Понятия нравов и приличия сильно отличались от наших, а наивная откровенность, с которой везде рассматривались даже самые непристойные вещи, далека от манер современности. Церковь не сумела оказать большого влияния в этом направлении; она была довольна, если ее правила строго соблюдались в других областях. Ведь она сама носила черты той сверхчувственной двойственности, которая была свойственна тому времени.

На тех грубых гравюрах на дереве, которые сохранились до нас с конца XV и начала XVI века, мы нередко видим женщин в компании мужчин за вином и играми в кости, за пирами и веселыми танцами. Они, среди прочего, являются доказательством того, что женщины в Германии того времени были далеки от той строгой закрытости, которую мы встречаем в южных странах. Они в равной степени участвовали в обычно весьма материальных удовольствиях (), как и мужчины. В Забергау (Zabergau) в Вюртемберге они повсеместно ежегодно праздновали на Масленицу свои женские пиры (Weiberzechen) — пиршества, на

которых не допускались мужчины, за исключением школьного старосты и мэра, которые должны были выполнять обязанности официантов и слуг и на которых царила очень веселая атмосфера ([41]). На праздниках полов, в пивных цехов и братств, на народных гуляниях на рынках и ярмарках, на открытых площадях и в притворах церквей — везде, где было на что поглазеть и чем насладиться, где можно было танцевать, прыгать и петь, мы видим женщин, и в большинстве случаев не как хранительниц хорошего тона и строгих нравов, а как веселых среди веселых, часто как лидеров веселья. Это не исключает того, что в других местах они снова появляются как носительницы религиозной жизни, что они лежат у ног распятого и благословенной Богородицы Марии как молитвенницы и кающиеся, что они заполняют монастыри как монахини и путешествуют по странам как паломницы.

Средневековье, которое воспринимало смену времен года гораздо острее, чем мы, было богато и другими подобными контрастами. Как могло быть иначе в обществе, которое постоянно подвергалось самым резким переменам? Почти нигде мы не видим спокойного удовольствия от , движущегося по твердым линиям постоянного развития, нигде не видим того веселого жизнелюбия, которое одухотворяет людей в эпоху, когда право и существование были обеспечены. Даже население городов в XIV и XV веках с трудом сохраняло свою прежнюю численность, и то только за счет массовой иммиграции из близлежащих сельских районов. Войны, неурожаи, голод, внезапная смерть каждые несколько лет уносили четверть, треть, а иногда и половину населения. С 1326 по 1400 год насчитывалось 32 года чумы, с 1400 по 1500 год — 41, с 1500 по 1600 год — 30. Как можно было даже представить, что в условиях постоянной угрозы жизни люди могли сохранить спокойное равновесие своего духовного и чувственного существования!

В повседневной жизни средневекового общества бодрствовали рядом друг с другом безудержное наслаждение жизнью и покаянное самоотречение; сегодня люди до дна выпивали чашу удовольствий, чтобы завтра с горьким раскаянием отвернуться от мира, умертвить плоть, мучить себя постом и молитвами, бичеванием и покаянным поясом. От церкви до танцевального зала, от монашеской рясы до карнавального костюма, от бича покаяния до колокольчика на шапке — часто был всего один маленький шаг.

В небесах ликуя,

до смерти опечаленный —

таково настроение конца средневековья, которое с трогательной природной правдивостью отражено в искусстве в « » (Смерть и танцы) с их резким сарказмом и захватывающими контрастами.

Поэтому нас не может удивлять, что в хрониках того времени, наряду с описаниями черной смерти и походов карателей, рядом с рассказами о жестоких убийствах евреев, кровавых междоусобицах и казнях читаем о танцевальном безумии, которое в XIV веке охватило все население городов Рейнской области[42], когда видим, что сегодня не хватает рук, чтобы похоронить мертвых, а завтра церкви едва ли смогут вместить количество молодоженов, которые толпятся у алтаря[43], когда мы находим в городских сводах законов на той же странице постановление совета против чрезмерных пожертвований церкви, в котором также содержится запрет на чрезмерную роскошь на свадьбах и крестинах, когда мы видим, как в эпоху, которую многие считают воплощением постоянства, мода меняется почти в одночасье. «В то время (около 1380 года) мода на одежду изменилась, так что тот, кто сегодня был мастером среди портных, через год стал слугой»[44]. Возможно, нет другого

явления того времени, которое бы так ярко воплощало все эти резкие контрасты, как тот прокаженный монах-босоногий, о котором Лимбургская хроника рассказывает, что, несмотря на все невыразимые страдания своей болезнью, «он сочинял лучшие песни и стихи и все, что он пел, люди пели с удовольствием, и все мастера свистели, а другие музыканты аккомпанировали песням и стихам... и все это было весело слушать»^[45] .

Если мы все это обдумаем, то нам станет понятнее многочисленное появление и странное поведение *странствующих людей*^[46] , среди которых снова были массово представлены женщины. Этим странствующих женщин мы сначала находим в обществе тех банд шутов и клоунов, тех менестрелей и нищих, которых мы видим на протяжении всего средневековья везде, где происходило большое скопление людей. Здесь они выступали в качестве артисток и странствующих артисток, акробатов и танцовщиц, лириков и арфисток. В некотором смысле они сходны с легкомысленными странствующими учениками и бродячими клириками, против которых тщетно боролись соборы. Они появляются большими толпами при княжеских дворах, на коронациях императоров, на рейхстагах, турнирах, церковных собраниях, ярмарках и рынках. «Невозможно представить себе ничего более отвратительного, — говорит Вайнхольд, — чем эти развращенные, голодающие и бродячие банды, которые сотнями бродили по стране, собирались, как вороны, при любом празднике и дерзко протягивали свои дырявые руки».

Толпы этих странствующих женщин уже сопровождали крестоносцев в Азию (). В 1180 году за французской армией следовало не менее 1500 из них, и даже Людовик Святой едва смог подавить беспорядки, которые они устроили в его армии. О Фридрихе II, который в 1229 году находился в Земле Обетованной, Матеус Парисиенсис, монах из Сент-Олбана, рассказывает, что он развлекал сарацин, которых пригласил к столу, искусством христианских блудниц. Во французском и английском дворах в XIII и XIV веках был специальный маршал, который следил за этими людьми. В Германии в 1394 году на рейхстаге во Франкфурте-на-Майне их было уже 800, а количество странствующих женщин, собравшихся на соборах в Базеле и Констанце, по некоторым данным, достигало 1500. В Базеле () во время собора герцог Саксенский в качестве имперского маршала осуществлял надзор за странствующими проститутками. Именно он организовал их перепись, которая, однако, была проведена только наполовину, поскольку уполномоченный считал это неприятное дело слишком опасным^[47] .

Как и в свите знати и духовенства, они не менее многочисленны в обозе наемных войск, появившихся во время франко-английских войн. Уже в XIV веке хроника Кёнигсхофена сообщает, что 800 из них отправились в поход вместе с ландскнехтами и что для своей защиты они имели собственного чиновника (), которому должны были еженедельно платить подать. Этот чиновник или пристав (Weibel) был постоянной должностью в армиях вплоть до Тридцатилетней войны. Однако из книги Леонарда Фронспергера «^[48]» (О войне и военном деле), в которой подробно описываются задачи упомянутого вейбеля, мы узнаем, что те массы странствующих женщин, которых обычно называли «тросбубен» (помощники), казались современникам неотъемлемой частью армейской организации и что они оказывали важные услуги во время военных походов. Из его описания можно понять, как легко многочисленные женские свиты ландскнехтов входили в тогдашнюю армейскую структуру как полезные и даже необходимые звенья, и поэтому мы не удивимся, прочитав, что армия герцога Альбы в походе в Нидерланды сопровождалась 400 проститутками на лошадях и 800 пешком, «разделенных на роты и выстроенных в шеренги за своими особыми знаменами». «Ранг любовников каждой из них определялся в зависимости от их красоты и

приличия, и ни одна из них не имела права преступать эти границы под страхом наказания»[49] .

Как бы странно и отвратительно ни казалось нам это явление, все же не так уж и сложно попытаться объяснить его и приблизить к себе с человеческой точки зрения.

В средневековье безопасная, оседлая жизнь была гораздо менее возможна и воспринималась как необходимость в меньшей степени, чем сегодня. Так же, как и в наше время татары из русских степей с легкостью снимают свои палаточные поселения после того, как в течение года, практикуя подсечно-огневое земледелие, они собирают с земли скудный урожай, так и в XIII и XIV веках нередко целые деревни в Германии меняли свое местонахождение. Голод и военные бедствия, град и гибель скота, а может быть, просто живой инстинкт кочевника и осознание того, что терять нечего — кто знает, какие еще факторы влияли на это каждый раз! Большая часть населения постоянно находилась в пути, и в деревенских законах, как и в решениях городских советов, об этих кочующих людях говорится с одинаковой снисходительностью, даже с благотворительной заботой. В условиях часто повторяющихся общих бедствий образовывались целые армии нищих мужчин и женщин, которые, как рои саранчи, нападали на города и нередко требовали серьезных мер предосторожности[50] . Многие из них, возможно, никогда больше не возвращались к постоянному проживанию. Особенно одинокие женщины, беззащитные и беспомощные в жестоком обществе, могли легко решиться покинуть свое место жительства и последовать за манящим зовом в даль. Франкфуртские налоговые списки XIV и XV веков дают нам представление о том, насколько ужасающе распространена была бедность среди них . В 1410 году в налоговой книге числится 2461 налогоплательщик, из которых 336, или 13,7 процента, явно обозначены как бедные. Из общего числа 1888 были мужчины и 568 женщины; среди мужчин было 148, или 7,8 процента, бедных, среди женщин — 188, или 33,6 процента! Конечно, в средневековье не было полиции по борьбе с бедностью, которая считала, что можно покончить с попрошайничеством с помощью тюремных наказаний. Еще в 1489 году франкфуртский совет () решил — кто знает, в который раз? — *не принимать в город посторонних нищих*. На свободных площадях и у углов улиц, перед дверями церквей и на мостах лежали слепые, хромые, прокаженные, и нередко нищие и бродяги разбивали свои барачные лагеря под городскими стенами, когда им закрывали ворота. Во время ярмарок и коронаций императоров, а также в официальные дни попрошайничества они неудержимо хлынули в город.

Что могло удерживать этих людей на месте, когда их доходы становились все более скудными, а конкуренция за частную милостыню становилась слишком велика? И здесь франкфуртские налоговые списки дают нужную информацию. Достаточно часто беднейшие находили жилища налогооблагаемых женщин пустыми. «*Recessit*», «*Ist enweg*», «*Ist davon gelauffen*», «*Ist gangen bedeln*» — лаконично отмечалось за именем: никто не знает, куда они ушли. Не вызывает сомнений, что из таких элементов часто набирались толпы странствующих. Конечно, часто решающим фактором могла быть и боязнь работы за прялкой или в поле, а также тяга к свободной жизни. В народной песне[51] того времени мать спрашивает дочь:

«Ох, доченька, что тебе дала прялка,

dat du niet me machs spinnen?

Ты бегаешь за осликами

и хочешь только танцевать».

И дочь отвечает:

«Ох, мать, я поклялась,
что я больше не буду прясть,
я люблю и ценю ландскнехта,
он мне нравится.

Он так любит пить холодное вино,
он обнимает меня своими блестящими рукавами
до утра».

В другой песне «[52]» мать дает дочери выбор между рыцарем, крестьянином и ландскнехтом, и дочь отвечает:

«Крестьяне, это крестьяне,
они так редко пьют вино,
so en doet die vrome lantsknecht niet,
он так храбро наливает».

Иногда соблазн тоже мог сыграть свою роль, как в известной песне «[53]»:

«Ну же, Гредлейн, собирайся!
Давай, уходи со мной!
зерно убрано,
вино сдано»...

Do nam ers bei der hende,
за ее белую руку,
он ведет к концу,
где он нашел гостиницу.

«Ну, хозяйка, дорогая хозяйка,
подайте нам прохладного вина!
Одежды этого Гредляйна
должны быть пропитаны».

Как только был сделан роковой шаг, назад пути уже не было. Женщины почти всех сословий слишком легко поддавались тщеславным мирским удовольствиям. Он проник через высокие монастырские стены, через замочные скважины железных ворот:

«Дай Бог тебе испорченный год,

который сделал меня монахиней
и дал мне черный плащ,
и белую юбку под ним!»

Так пели и свистели в 1359 году на всех улицах[\[54\]](#) .

В средние века кочевые народы были лишены чести и прав; тем более женщины предпочитали присоединяться к военным отрядам, где они, по крайней мере, были терпимо приняты и защищены и где они находили некоторую поддержку в бурных браках, которые они заключали с ландскнехтами и их офицерами. Наконец, следует учитывать, что характер ведения войны в то время, если и не делал обязательным, то, по крайней мере, значительно облегчал взятие с собой большого числа женщин. Многие места в песнях ландскнехтов свидетельствуют о том, что редко кто уходил в поход без своей «госпожицы»:

«Тот, кто хочет идти на войну
должен быть вооружен;
что он должен взять с собой?
красивую девушку,
длинный копье, короткий тегтен;

мы хотим найти господина,
который даст нам деньги и приветствие».[\[55\]](#)

Конечно, эти браки часто расторгались так же быстро, как и заключались. В другой народной песне описывается поведение женщин после битвы:

«Сначала поднимается плач верных женщин,
каждая ищет своего мужа;
кто из них остался мертвым,
не смеет смеяться от стыда —
пока не найдет другого».

Пусть этот переход к «другому» и был правилом, тем не менее мы находим и примеры неизменной верности, как в прекрасной песне [«\[56\]»](#) о девяти ландскнехтах и девушке из Юлиха, которая пытается спасти своего возлюбленного, попавшего в плен. Так и на эту, столь неприятную для нашего восприятия, связь падает примирительный луч любви, которая все рискует и все терпит.

Несомненно, самым тревожным явлением средневековья были *странствующие женщины*, которые *постоянно селились в городах* и в немалой степени способствовали развязности

нравов[57]. Они также встречаются под другими названиями[58]; однако то, что они были в основном *чужестранками*, подтверждается многочисленными положениями городских постановлений, принятых в отношении них. Средневековые в отношении публичных проституток было далеко от той неуместной ханжественности, которая и сегодня во многих случаях мешает беспристрастному обсуждению этого, в конце концов, очень деликатного вопроса. Оно принимало их существование как зло, необходимое «для предотвращения большего зла», устранение которого едва ли когда-либо серьезно рассматривалось. Во Франкфурте они могли получить гражданство и, как и другие новые граждане, вносились в гражданскую книгу[59]. Женщин, которые занимались самым жалким из всех ремесел, считали скорее несчастными, заблудшими и легкомысленными[60], чем порочными. Мужчины, которые искали с ними общения, не считались такими же порочными, как те, кто жил в «незаконном браке» (сожительстве). Ведь даже во времена рыцарского служения женщинам семейное положение одной из сторон или обеих не было препятствием для «любовного союза».

Конечно, средневековые также стремились избежать публичного возмущения в этих вопросах, но все же очень узко трактовало это понятие. Почти везде простых женщин заставляли жить в определенных отдаленных улицах или пригородах; чаще всего их пытались собрать в *женских приютах*. Последние в большинстве случаев создавались самими городскими советами или феодалами и часто становились источником дохода, который с точки зрения городских финансов нельзя было недооценивать, и который даже высокопоставленные церковные сановники без зазрения совести выкачивали, а знать с удовольствием брала в феод. Они управлялись городами либо собственными силами через чиновников, либо сдавались в аренду частным предпринимателям. Последние назывались «Frauenwirte» и «Wirtinnen» или «Frauenmeister» и «Meisterinnen» и были связаны строгими правилами. Они подчинялись надзору городских властей. В большинстве случаев непосредственный надзор за проститутками был поручен слугам городского совета, а часто также палачу или «Stöcker»; последние должны были платить этим слугам определенные еженедельные сборы. Высший надзор обычно находился в руках мэра или делегации совета, полномочия которых были практически неограниченными.

Женские дома, как места, где царил мир, находились под особой защитой; проступки, совершенные там, наказывались вдвойне строго. Их обитательницы пользовались исключительным правом на занятие проституцией; подобно мастерам цехов, которые боролись с нарушителями и бездельниками, они противостояли недобросовестной конкуренции «тайных» женщин, которые укрывались в домах горожан, и не раз прибегали к насильственной самообороне против них. По-видимому, в Германии они образовывали настоящие корпорации, как в Женеве и Париже, лишь в единичных случаях; так, публичные женщины в Лейпциге имели объединение с собственным уставом, которое само избирало свою руководительницу и ежегодно проводило процессию в Великий пост. Однако везде они были представлены на публичных торжествах, в частности на приемах князей, наряду с остальным населением, организованным в корпорации, как особая социальная группа. Им было разрешено появляться даже на пирах и танцах, на которых развлекались почтенные граждане и совет. По таким случаям они обычно приносили свои поздравления и вручали букеты цветов, за что получали в знак уважения еду, напитки или денежные подарки. При проезде высокопоставленных особ их дома специально украшались и освещались для их приема; иногда по таким случаям их даже одевали за счет города. В Цюрихе еще в 1516 году

существовал обычай, согласно которому мэр, судебные приставы и простые женщины обедали вместе с иностранными посланниками, прибывавшими в город.

Деятельность и жизнь в женских приютах регулировались особыми правилами, которые являются ярким свидетельством тщательности и гуманности, с которыми в средневековые относились даже к самым несчастным из людей. В любом случае, они выгодно отличаются от мер современной полиции нравов, которая в этих вопросах все еще балансирует между великодушной терпимостью и радикальным подавлением, что не очень достойно. Они стремятся защитить женщин, занимающихся публичным проституцией (), от обмана и грубого обращения со стороны хозяев или хозяек, гарантировать им свободу передвижения, право посещать церковь и соблюдать праздники, а также облегчить им возвращение к упорядоченному образу жизни. Уже в ранние времена мы находим упоминания о контроле за их здоровьем, а в Ульме даже существовала специальная баня для их использования. В местном приюте для женщин их заставляли работать; каждая жительница должна была ежедневно прясть хозяину две «мотки» пряжи или, если она не хотела этого, платить ему 3 геллера за каждую мотку. Взамен хозяин был обязан вносить в фонд помощи женщинам, в который каждая из них еженедельно платила по геллеру, сумму, в два раза превышающую эту сумму. Собранные деньги шли на поддержку больных или оставшихся без средств к существованию женщин из приюта. Таким образом, существовала система страхования на случай болезни и безработицы, в которую вносили взносы предприниматели и работницы. Правила приюта для женщин 1416 года содержат самые точные предписания относительно питания и заработной платы; везде прослеживается стремление ограничить власть хозяина как можно более строгими и четкими рамками.

Почти нигде больше нельзя определить, каким было количество проституток в отдельных городах. В большинстве городов мы находим несколько (чаще всего два или три) женских приюта; наибольшее количество женщин, которое мы встречаем в таком приюте, составляет пятнадцать. Однако нельзя не заметить, что и за пределами женских приютов находила себе место распущенность. Судя по всем описаниям, в XV веке проституция в немецких городах, должно быть, приобрела ужасающие масштабы. Очень интенсивный в определенные периоды туризм и постоянное присутствие значительного числа безбрачных священников, ремесленников и купцов, с одной стороны, и общественное терпение этого зла в женских приютах, с другой стороны, в сочетании с развратом в высших классах, поощряемым растущим богатством, привели к по-настоящему ужасающему огрублению и озверению. В это болото безнравственности вскоре было втянуто все: и низшие, и высшие сословия, и буржуазные семьи, и женские монастыри, и бекины.

Реакция на эти явления не могла не последовать. Она исходила от цехов и гильдий, которые с начала XV века запрещали своим членам общаться с распутными проститутками. Гораздо позже последовали меры со стороны государственных властей. Все чаще проституткам, как и другим категориям «нечестных людей», предписывали носить особый костюм или знак, чтобы их можно было отличить от честных женщин и «смотреть на них по их истинной ценности». Им запрещалось появляться на танцах и свадебных торжествах; в церквях им отводили отдельное место; более того, даже после смерти их не допускали на общее кладбище, а их тела хоронили на свалке. В XVI веке к этим бесчеловечным мерам добавились еще и наказания в виде выставления на позорный столб, «бичевания» и публичной порки. Реформация повсеместно, даже в тех местах, которые остались католическими, привела к упразднению женских приютов, хотя и не без встречного сопротивления именно в этом вопросе.

Однако было бы ошибкой полагать, что в тех варварских средствах наказания XV века мудрость средневековья в отношении падших женщин нашла свое окончание. Церковь всегда считала спасение этих падших женщин важной задачей христианской любви; каноническое право рекомендовало вступление в брак с падшей женщиной как заслугу. Но слишком часто действия духовенства не соответствовали этой теории, и во многих местах оно подавало верующим плохой пример. Выражение «Pfaffenmagd» (служанка священника) на протяжении всего позднего средневековья считалось одним из самых оскорбительных ругательств. О моральном разложении, которому подвергались некоторые монастыри в те времена, мы имеем ужасающие описания[61].

Но церковь все же рано начала проводить в этой области и *позитивные реформы*. Уже в начале XIII века священник Рудольф в городах Рейнской области обратил свое внимание к обращению в веру на потерянных женщин[62]. «Господи, мы бедны и слабы», — ответили ему однажды такие женщины; «мы не можем прокормиться иным способом; дайте нам воду и хлеб, и мы с радостью будем вам повиноваться». В Вормсе и его окрестностях он обратил в веру нескольких таких женщин и принял их в свой дом; в Страсбурге в 1225 году он построил келью для кающихся. Два года спустя он получил папскую бреве, согласно которой все обращенные им женщины под именем *кающихся* были присоединены к ордену святой Магдалины. Из этого скромного начала в Страсбурге возник большой монастырь кающихся, после того как булла Григория IX от 1246 года разрешила кающимся святой Магдалины в Германии строить монастыри. Подобные монастыри кающихся, покаявшихся или белых женщин вскоре появились и в других городах. Их непосредственной целью[63] было исправление заблудших и возвращение их в почтенное светское общество. Это достигалось путем жизни в молитве и труде, подчиненной строгой клаузуре, но в остальном не слишком суровым правилам. Только те, кто своим поведением доказал, что они решительно настроены вести жизнь строгого покаяния и самобичевания (), были допущены к принятию обета как настоящие монахини и приняты в «Братство святой Магдалины».

Этот подход церкви вызвал живой энтузиазм среди горожан. Здесь и там были учреждены наследства, чтобы предоставить сумму денег тем, кто женился на падшей девушке. Кроме того, на частные средства были основаны многочисленные *приюты*, которые были организованы по образцу бекинских домов и часто трудно отличить от них (). Уже в 1302 году один из граждан Шпайера основал такое учреждение, в котором принимали, кормили и одевали публичных женщин. Еще дальше пошел в 1303 году Генрих фон Хоэнберг, ученый из Кольмара, который основал в разных городах приюты, в которых от 10 до 25 женщин получали приют, питание и одежду. Средства он собрал путем сбора пожертвований. В Страсбурге он также основал ассоциацию сестер-покаянок, которую 8 октября 1309 года утвердил епископ Иоганн фон Дирпхайм. «Рабы, — сказал он, — когда они возвращаются к свободе, получают все права свободных людей; поэтому было бы несправедливо, если бы женщины, бывшие рабынями греха, не получали такого же обращения, как только они обращаются к лучшей жизни». Епископ взял их под свою особую защиту и объявил их свободными от всякого греха (); о их прежнем положении больше не должно было быть и речи. Сестры покаяния или обращенные женщины, как их называл сам Генрих фон Хоэнберг, носили юбки и плащи из мешковины, отчего их прозвали «мешковинки» (Sack-Bekinen).

Благосклонность горожан в полной мере обратилась к их благотворительному учреждению; однако уже в 1315 году в результате эпидемии чумы оно было преобразовано в больницу, в которую сестры были приняты в качестве медсестер и попечительниц.

Подобное учреждение было создано в 1384 году тремя гражданами Вены. Члены городского совета были руководителями этого дома, а одна из сестер была начальницей остальных. Герцог того времени не только освободил дом от налогов, но и постановил, что любой, кто возьмет в жены одну из его обитательниц, не должен лишиться своей чести и прав гильдии. Оскорбления или обиды в адрес этих кающихся женщин должны были строго наказываться, а те из них, кто возвращался к прежней жизни, должны были быть утоплены. Учреждение было значительно расширено как за счет городской казны, так и за счет завещаний граждан и гражданок и благотворно действовало до середины XVI века.

Эти учреждения частично распространились по Италии и Франции еще раньше. Не везде они оправдали себя. Немалое количество из них поддавалось всеобщему развращению нравов XV века, а некоторые даже стали прибежищем для того зла, с которым они боролись.

Своеобразное освещение средневекового женского несчастья дают уставы дома парижских кающихся (filles pénitentes), основанного в 1497 году, которые были составлены самим епископом Симоном де Шампиньи. Согласно им, принимались только девушки моложе 30 лет, которые, как было доказано, в течение некоторого времени вели развратную жизнь. «Чтобы молодые люди не вели развратный образ жизни с целью получить здесь место, те, кто уже однажды был отвергнут, должны быть навсегда исключены из этого заведения. Кроме того, те, кто просил о приеме, должны принести клятву своему исповеднику, что они не хотят спасения, если они вели развратную жизнь с целью со временем быть принятыми в это общество, и им следует сказать, что, если станет известно, они поддались соблазну по этой причине, им придется покинуть этот монастырь с того момента, как только они будут одеты в монашескую одежду и принесут обеты». Злоупотребления, которым должны были предотвратить эти положения, были, вероятно, не редкостью. В Германии в этом вопросе проявляли мягкость; многие монастыри для кающихся женщин вскоре стали принимать также и девушек, не имеющих *unbe scholtene Mädchen*. Несомненно, что таким образом они удерживали многих от начала порочного образа жизни, причиной которого были в основном одиночество и нищета.

После этих объяснений не может быть никаких сомнений: средневековье тоже имело свою *женскую проблему* и пыталось ее *решить*. И эта средневековая женская проблема была гораздо сложнее; она охватывала гораздо более широкие слои населения, чем то, что сегодня обычно понимается под этим лозунгом. Насколько незначительными, насколько крошечными кажутся нам, по сравнению с массовой нищетой женщин средневековья, страдания, которые стремится исцелить современное женское движение!

И все же, если мы сравним *наши* условия с условиями средневековья, *наши* средства с теми, что были в то суровое, столь бедное комфортом время, — есть ли у нас веские основания для самодовольства? Разве жизнь наших фабричных рабочих и продавщиц более благоприятна, чем судьба жен и дочерей мастеров, которые помогали своим мужьям и отцам в ремесле, да даже чем жизнь прядильщиц и горничных, чьи трудовые отношения регулировались обычаями и законами? Есть ли у нас учреждения, которые по чистоте и ясности целей можно было бы сравнить с монастырями бежинок, семенами (Samenun), домами сестер покаяния и кающихся? Стало ли отношение общества к «странствующим женщинам» более достойным?

Конечно, средневековье не решило окончательно женский вопрос. Оно не *смогло* решить его окончательно, потому что не смогло перекрыть источники, из которых зло постоянно возрождалось. Но учреждения, которые оно создало, на протяжении веков удовлетворяли потребности времени, от которого было бы несправедливо требовать большего, чем позволяли их средства^[64]. Абсолютные решения социальных вопросов можно найти только в стране Утопия. Мы, люди реального мира, должны быть довольны, если то, что мы создаем, удовлетворяет хотя бы одно или несколько поколений. Пусть потомки безжалостно разрушают это, как только смогут заменить его чем-то лучшим!

Реформация XVI века, безусловно, имела такое же право уничтожить развращенные средневековые приюты для женщин, как и места греховных удовольствий. Но в этом случае она действовала революционно, а не реформаторски; сначала она не смогла заменить разрушенное ничем положительным, кроме теории, если угодно, *идеала*, реализация которого могла произойти только в течение столетий. Чтобы понять это, не следует забывать, что Реформация застала женщину в состоянии морального унижения и оскорбления, которое едва ли можно представить более жестоким. Ее первая задача заключалась в том, чтобы вновь освятить брак. Это одним махом изменило все положение женщины в обществе. На смену идеалу женщины из рыцарской романтики, который ставил на первый план физическую красоту возлюбленной, пришел новый идеал женщины, который делал упор на чистоту души и нравственные качества немецкой домохозяйки и матери семейства.

Безусловно, это были древнееврейские идеи^[65], которые Лютер свободно пересказал в своей «Похвале благочестивой жены»: «Благочестивая, богобоязненная жена — это редкое благо, гораздо более ценное и драгоценное, чем жемчужина. Муж полагается на нее и доверяет ей все. Она радует мужа и делает его счастливым, не огорчает его, любит его и не причиняет ему страданий на протяжении всей его жизни. Она обращается с льном и шерстью, любит трудиться своими руками, рождает детей и подобна кораблю купца, который привозит из дальних стран много товаров и богатств. Она встает рано, кормит своих слуг и дает служанкам то, что им положено. С радостью ждет и обеспечивает то, что ей положено. То, что ее не касается, она оставляет в покое. Она крепко подпоясывает чресла и простирает руки, она энергична в доме. Она замечает, что приносит пользу, и предотвращает вред. Ее светильник не гаснет ночью. Она простирает руку к прялке, и ее пальцы берут веретено; она работает с удовольствием и усердно. она простирает руки над бедными и нуждающимися, с радостью дает и помогает. Ее украшение — чистота и трудолюбие. Она открывает уста с мудростью, на языке ее — милостивое учение; она воспитывает своих детей в слове Божьем. Муж ее хвалит ее, сыновья ее восстают и прославляют ее счастливой».

Но эти мысли проникли в немецкое народное сознание со времен Реформации и до сих пор определяют представления о браке и социальном положении женщины в широких слоях населения. Преобразование произошло не сверху, в высших слоях общества, а снизу, из немецкого мещанства, где произошло укрепление и усиление положения женщины в семье. В то время как благородная подлость французской галантности доминировала в придворной жизни и аристократических кругах XVII и XVIII веков, буржуазная семья постепенно отходила от средневековых представлений и присваивала женщине то высокое нравственное положение, которое прославляли поэты нашего классического периода. Казалось бы, столь жестокое исключение женского пола из трудовой жизни, которое имело место в это время, должно было способствовать достижению этой цели. Однако то, что оно *могло* произойти без сильного сопротивления со стороны общества и государственных властей, следует рассматривать как доказательство того, что наступившие в эпоху « » более мирные времена

все больше и больше приводили к уравниванию численного различия между полами, столь значительного в средневековье. Строгие и негуманные положения гильдий, которые запрещали доступ к ремеслу незаконнорожденным и исключали занятие женщин, были, по крайней мере в этом отношении, лишь отражением общего развития общества.

Ведь прежде всего необходимо отметить: на протяжении всей истории, и в частности истории нашего народа, прослеживается мощная тенденция, которая привела к тому, что женщины все больше и больше освобождались от тяжелого, изнурительного труда по зарабатыванию средств к существованию, который перекладывался на более сильные плечи мужчин, мужчинам отводилась творческая, привлекательная работа по производству товаров, женщине — административную и обслуживающую деятельность в домашнем хозяйстве, мужчине — опасную борьбу за существование, а женщине — комфортное обустройство жизни. Содействие этой тенденции развития, насколько это возможно, казалось в прошлых столетиях задачей здоровой, исторически созидательной социальной политики. Как помощница мужчины в рамках семьи, женщина могла заниматься собственной и общей деятельностью в сфере экономики, но ни в коем случае не могла быть конкурентом мужчины за пределами этой сферы[66] .

Эта тенденция, которая оказывала мощное влияние с древнейших времен нашего народа до наших дней и которой мы обязаны нашему современному семейному устройству и нашему основанному на традициях идеалу брака, в прошлом веке потерпела неудачу из-за появления крупных промышленных предприятий с их массовым использованием женского труда. Из фабрик эта тенденция все больше распространяется на торговлю и уже сильно затрагивает другие сферы профессиональной деятельности. Она делает женщину более или менее независимой от заработка мужа, но не делает ее экономически независимой, как это было в средние века. Скорее, она, как правило, обуславливает зависимость от предпринимателя. В этом и заключается ее опасность. Ее последствия очевидны: унижение женского пола, затруднение создания семьи для мужчин, конкурирующих с дешевой женской рабочей силой, распад семейных уз, атрофия и огрубение подрастающего поколения. Во многих рабочих семьях семья, основанная на браке и отцовской власти, заброшена, и на ее место пришла структура, основанная на всевозможных договорных отношениях[67] .

Должны ли мы — это отчаянная двойная проблема, которую ставит перед нами современный вопрос о заработке женщин — в противоречии со всем культурным развитием расширять систему «дешевой рабочей силы» на все новые и новые виды профессий, должны ли мы тем самым и в этих кругах все больше затруднять создание семьи, все больше распадаться общество на его атомы? Должен ли брак как постоянная жизненная общность уступить место временным союзам, подверженным произволу? И должен ли принцип договора, на котором основано предприятие, стать общим правилом и для семьи? Или же мы должны всеми силами стремиться к тому, чтобы всем слоям населения были обеспечены мир и уют семейного очага, чтобы укрепилось чувство семьи и чтобы женщины сохранили ту сферу, в которой они чувствуют себя наиболее счастливыми и в которой они создают ценности, которые для нации ценнее, чем любое увеличение производства за счет «дешевой рабочей силы»? Не должны ли сами женщины удерживать эту свою собственную сферу всеми доступными им средствами и работать вместе с мужчинами над устранением тех, безусловно, неизбежных причин, которые в современном обществе мешают стольким

мужчинам вступать в брак и стольким женщинам выполнять свое естественное предназначение?

Известно, какой из этих альтернатив выбрали современное женское движение и его сторонники. Они хотят полного социального и юридического равенства и перестройки половых отношений на основе самостоятельного заработка мужчин и женщин. В заключение им следует подумать над следующим: .

12 июня 1907 года в Германской империи насчитывалось 9,5 миллиона работающих женщин[68] . Это составляет почти треть всех работающих людей или половину женщин в возрасте от 15 до 70 лет. С 1895 по 1907 год число работающих мужчин увеличилось на 20%, а женщин — на 44%. Этот рост затронул все профессиональные группы, но в разной степени повлиял на самозанятых и наемных работников. Последние показали самый значительный рост во всех профессиональных группах , в то время как число самозанятых женщин в сфере первичного производства и промышленности сократилось, а в сфере торговли также выросло. В то же время, несмотря на рост благосостояния, число женщин-служанок сократилось более чем на 5 % при росте населения на 19 %, а рост числа безработных членов семьи отставал от роста общей численности населения.

Эти изменения в цифрах ярко освещают реальные условия, в которых находится женский вопрос в настоящее время. Важно не то, что в 1907 году почти на три миллиона женщин больше, чем в 1895 году, были заняты в производстве, а то, что упадка семейного хозяйства оставляет все меньше места для женского труда и что из 9,5 миллионов работающих женщин более 8 миллионов были заняты в зависимости. Такое проникновение женщин происходит не только в производстве, но и в торговле, сфере личных услуг и даже в свободных профессиях.

В этом заключается огромная сложность, в этом заключается большая разница между современным женским вопросом и женским вопросом средневековья. Тогда это был вопрос обеспечения, сегодня это вопрос эмансипации. Экономическое развитие само по себе подталкивает к правовому переустройству, и в его следствии, возможно, удастся добиться «эмансипации от мужчины», насколько это позволяет природа. Однако за этим скрывается новая, гораздо более сложная проблема: эмансипация от экономической и социальной зависимости, которой женщина все больше подвергается в трудовой жизни и которой она будет подвергаться все больше с каждой новой сферой деятельности, которую она завоевывает. Будущее действительно не выглядит как эпоха индивидуального «самореализации» женщин и мужчин. Напротив, продолжение последних тенденций угрожает нам состоянием, при котором оба пола будут одинаково запряжены в ярмо предпринимательства. Однако по мере того, как технический прогресс будет создавать все больше возможностей для женского труда в рамках этого разделения труда, борьба между женским и мужским трудом будет становиться все более ожесточенной, и в конце концов победу одержит более дешевая женская рабочая сила. Результатом может быть только обратное изменение существующих отношений между полами в экономике: женщины-зарабатывающие — мужчины-домохозяева, если не предпочесть представить, что и домашнее хозяйство в его основных составляющих станет предметом капиталистического предпринимательства[69] .

Неужели конечной целью развития наших культурных народов должно быть то, что на женщину вновь возложат бремя производства, которое постепенно снималось с нее в течение двух тысячелетий? Возвращение к варварству, распад семейного уклада, сложившегося со времен Реформации, разложение домашнего хозяйства, в котором

господствует женщина, и ее включение в систему заработка, в которой она может найти себе место только в качестве служащего члена[70] : трудно поверить в возможность такого абсурда, трудно понять культуру как таковую, которая подвергает уничтожению одно из своих самых ценных сокровищ.

Примечания.

[1] См. мою работу «Население Франкфурта-на-Майне в XIV и XV веках» I, с. 40 и далее, 61 и далее. «Возникновение народного хозяйства» (7-е изд.), с. 392 и далее. — Возможно, на основе дрезденских налоговых списков XV века можно провести аналогичные исследования для этого города. См. *O. Richter* в *N. Archiv für sächs. Gesch. u. Altertums.* II., с. 274 и далее, в частности с. 279, прим. 10.

[2] Согласно этим расследованиям, проведенным на основе сохранившихся в оригинале списков опросов,

в году	налогоплательщиком налогоплательщиков в общей сложности	женщин всего	Женщины в процентах процентах налогоплательщиков плательщиков
1354	2669	481	18,0
1359	3164	589	18,6
1365	3021	615	20,3
1370	2697	484	18,0
1375	3004	616	20,5
1380	3055	509	16,6
1385	3391	824	24,3
1389	3165	742	23,4
1394	2600	539	20,7
1399	2652	614	23,1
1406	2383	500	20,9
1410	2456	568	23,1
1420	2345	551	23,5
1428	2411	466	19,3
1463	2560	638	24,9
1475	2782	733	26,3
1484	2483	705	28,4
1495	2579	715	27,7
1510	2328	640	27,5

- [3] Такими годами чумы в указанный выше период были 1356/7, 1364/5, 1395/6, 1402, 1412, 1418–1420, 1461 и 1463; в 1387 году произошла битва при Кронберге. Сравните с соответствующими цифрами в таблице выше.
- [4] См. мою работу «Bevölkerung von Frkf. I», с. 507 и далее.
- [5] J. Hartwig, Die Frauenfrage im mittelalterlichen Lübeck: Hansische Geschichtsblätter XXXV, с. 39 и далее.
- [6] Hartwig, там же, с. 57 и далее.
- [7] Шанц, «История немецких цехов», стр. 5. Шмаль, «Немецкое ремесло», стр. 274.
- [8] См. Maurer, Gesch. der Fronhöfe, I. 115. 135. 241 ff. II. 387 ff. III. 325.
- [9] Tyro. Prudentiae juris opificariae praecursorum emissarius. Ученик. Йена 1717, с. 35 и далее. — О следующем см. Stahl, Немецкое ремесло, с. 42 и далее. Neuburg, Судебная власть гильдий и устав гильдий, с. 49 и далее.
- [10] См. Вайнхольд, указ. соч., I, с. 191. Шмоллер, Страсбургская гильдия ткачей и суконщиков, с. 359 и далее, 521. — Моне, Журнал по истории Верхнего Рейна, IX. С. 133 и далее, 173 и далее; XV., с. 165.
- [11] Печатается в Archiv f. Frankf. Gesch. III F. VI, с. 94 и далее. — Аналогичные предписания в Гохе: Annalen des histor. Ver. für den Niederrhein, Heft VI., с. 45. 78. — Еще в 1620 году чиновник в Леерорт предоставляет ткачам и ткачихам, «которых там достаточно много» (упоминаются также подмастерья и подмастерьи), устав о кассе по болезни и смерти: Журнал по культурной истории, N. F., III. (1874), с. 128. — О Мюнхене см. Sutner в Histor. Abh. der k. bayer. Akademie d. W. II., с. 493.
- [12] См. Stahl, указ. соч., с. 80.
- [13] Во Франкфурте женщина, желавшая заниматься ремеслом, платила 30 шиллингов и полквартиры вина и получала право вступить в цех, мужчина — 3 фунта и четверть вина. Положение о портных в II книге ремесленников. Шмаль, там же, не прав, когда считает, что к женщинам предъявлялись те же требования, что и к мужчинам. О Майнце: Шмаль, с. 83.
- [14] В городском праве Аугсбурга от 1276 года в статье 129 (с. 215 у Меёера) говорится: *Swaer siniu chint ze antuaerken lat dur lerunge, ez si sun oder tohter, swaz lons man davon geheizzet, kumt daz ze clage, daz sol ein burggrafe rihten darnach als die schulde geschaffen ist*. Та же формулировка встречается в Нюрнбергской реформации 1564 года и в городском праве Мюльхаузена в Тюрингии: Stahl, с. 47. Аналогично в Англии: Stahl, с. 49. О расширенных трудовых правах женщин в парижских ремеслах см. Boileau, *Livre des métiers* и Stahl, с. 53–71.
- [15] Stahl, указ. соч., с. 90 и далее.
- [16] Вестенридер, Beiträge zur vaterl. Gesch. etc. VI, с. 153. См. однако городские права Мюнхена, изд. Ауэром, ст. 45: *Ain frau, deu ze marcht stat und deu chaufft und verchaufft etc*.
- [17] См. Jäger, Ульмская конституция, гражданская и коммерческая жизнь, с. 685. Напротив, торговцы продовольствием (Merzler) в Ульме, Hucker в Аугсбурге (городские права, с. 201), Käufler в Мюнхене (городские права, ст. 440 и далее) — исключительно мужчины. В Аугсбурге помимо *keufel* упоминаются также *verkaufferinne* (Stadtr. S. 271 ff.), в Данциге помимо *hoker*

также *hokinnen* (Hirsch, Danzigs Handels- und Gewerbebesch., S. 316). По многочисленным наблюдениям, которые я сделал в этом отношении, в средневековье торговля на рынках была преимущественно мужским занятием.

[18] Ниже я привожу список всех женских профессий, упоминаемых в франкфуртских документах и актах до 1500 года. Они взяты из моей многолетней коллекции названий профессий, которая основывается главным образом на документах, ведущихся на постоянной основе по населению (налоговые списки, списки граждан, книги граждан и т. п.), и в которой делается попытка установить не только наличие той или иной профессии, но и количество лиц, занимающихся ею. В ближайшее время она будет опубликована в трудах Королевского саксонского научного общества. Gesellschaft der Wissenschaften. В приведенных ниже списках выделяются четыре легко понятные категории женщин-работниц; между тремя последними, конечно, различия являются плавными. Ведь хотя в моих сборниках, вероятно, упущено мало работников XIV и XV веков, в самой природе исходного материала заключается то, что мужчины должны были быть зарегистрированы более полно. Названия женских профессий, относящиеся к женам и вдовам мужчин, занимавшихся профессиональной деятельностью (например, *beckern*, *bendern*, *smiden*), естественно, должны были быть исключены, поскольку список должен был содержать только случаи самостоятельной или зависимой профессиональной деятельности женщин, но не продолжение ими ремесла или просто помощь в ремесле мужа со стороны членов его семьи женского пола. Конечно, при такой работе по отбору некоторые вещи зависят от чувства редактора, но я полагаю, что не включил в списки ни одной профессии, которая не была бы доказано осуществляемая женщинами в средневековье. Несколько раз встречаются разные названия для одной и той же профессии. То, что женская форма названия указана даже для тех профессий, которые преимущественно осуществлялись мужчинами, не требует оправдания.

I. Профессии, для которых встречаются только женские имена.

Швея алтарных покрывал

Кормилица

Бортенмехерн

Бандитка

изготовительница метел

метелщики

стельщики

bettemachern

bettfegern

грудные ремни

drollern

федермехер

фильцеватели

фронгерт

прядильщицы

гильерхолтерен

гольцспиннер

harmedern

hebeamme

hemdenmechern

вязальщики брюк

кожевники

окрашивание шерсти

вязальщики головных уборов

швейные мастера

хулленвешерн

hulleryhern

хувенвешерн

kindeschuwern

kleiderhocke

kleidermeit (в бане)

клункеренсерн

кнауфелерн, кнауфельмехрен

lerfrouwe

lichthocke

lichtmechern

линенневерсен

лутердренкнер

магит, меит, динстмеит

мельничный, мельничный

messemeit

недерсен

poppersen

пельцмехрен

radspinnern
реубелерн
ринкенгиссерн
руфелерн
солеваров
семенщицы
шнебеккерн
sleierweschern
прядильщики
стеркерен
стрелемагит
wachern

действующие
хотят осаждать
хотят сшить
хотят читать
корнеплод
зюдельщики
цимпелеры
циркульщики
twine makers

II. Профессии, которые предпочтительно выполнялись женщинами.

appelmengern
боппенмалер
пивовары
даубеккерн
яичные сборщики
уксусники
гуси
гуферов

гульихтеры

овсяные мельницы

heringmengern

сундуки

луцильщики

гребни

крудеры

матенмехерн

нормальщики

III. Профессии, в которых мужчины и женщины представлены в равной степени.

altgewendern

боттернхокке

bademeit

fiedelern

vigenhocke

фладенбеккерн

hocke, hockin

горнфен

гунерменгерн

гунеркеуферн

kelnern

свеч

кесменгерн

kindelerern

клингеро

lenegadern

лерерн

лутенслехерн

mentelern

молочников

нотчерн

обсеры, обсеры

обмингерн, обшокерн

oleiern

олеихокке

рубингреберн

солевая женщина

шаппельмерхен

шеппелерн

selzern

senfmengern, senffrauwe

sleiermengern, sleierfrauwe

смерснидерн

кружевница

spulersen

стобенхайссерн

стрикнер

wennern

IV. Профессии, в которых женщины встречаются реже, чем мужчины.

авантюристы

глазные

почтальоны

печатники

бульварщики

щеточники

крышкоделы

дешенмехер

торвехтеров

духшерер

духшпулерн

erzten

essigfrauwe

федерменгерн

пастухи

плетельщики

vorkeuffern

fuderern

гаденфруве

генгелерн

геукелерн

гевендерн

хауменгерн

хенчумехерн

hirten

худекуфферн

художники

худерупперн

клайберсен

кочин

кольшебеккерн

копейерн

корберн

кремерн, кремерсен

курсенерн

лантфарерн

лебекучерсен

кожевников

лестмехерн

леуферн

линовальщики

маляры

менкелерн

melbern, milwern

моттерсен

нальденерн, нальдерн

патерностер

piffern

portenern

пульсировать

розиндрагер

руссен, лепперн

шекелерн

звнящих

ножницы

стричь, брить

судостроитель

трубочисты

школьные учителя

швей

мыловаров

горчичников

серебряные наклейки

simelern

slaghudern

snidern

snitzern

sporleddern

стационарный

suhirten, suern

учиться

подкупать

вехтерн

welkern

вечерни

весселерн

воленслегерн

корневые

вурцеменгерн

зихерен

zehenern

зольнер

Вряд ли можно считать, что приведенный выше список является полным. Не всегда для профессии можно найти соответствующее название. В таких случаях используются описания. Так, в книгах учета долгов Нижнего города за 1405 и 1406 годы на стр. 17 а и 31 b можно найти следующее: *Эльзе с собаками*; она живет в Дитерихсгассе, где проживают всевозможные бедняки, поэтому, вероятно, устраивала представления с дрессированными собаками. — 1372 г., книга договоров Верхнего города, 12 а: *Эльзе Леубен в погребке, у которой есть уголь*, то есть торговка углем. — 1359 г., книга 20 b: *Катарина, которая продает кожу*; значение неясно. — 1399 г., книга 14 а: *Кеддер, которая делает свечи*, то есть изготовительница или продавщица определенного вида свечей. — 1424 Bdb. Oberst. 19 b: *ein arm frauwe, dye der gefangen torin wartit umb gottis willen*, то есть смотрительница за душевнобольным. — 1397 Heiligenbuch 32 а: *eyne kolsche frauwe, die scheren feile hat vor dem Schrothuse*; 1472 в Marktrechtbuch 5 b: *die frauwe mit dem Colneschen zynwerg* (обе как продавщицы на ярмарке). К этому добавляется ряд необъяснимых, но указывающих на профессиональную деятельность названий женских лиц (например, *weibelern*, *ulselmechern*, *setzependin*, *muselern*).

[19] См. также Gengler, Stadtrechts-Altertümer, с. 36.

[20] Kriegg, Frankfurter Bürgerzwiste und Zustände im Mittelalter, с. 334 и далее. Обменщица и арендаторка городской повозки также в Любеке: Hartwig, указ. соч., с. 51 и далее.

[21] См. список франкфуртских врачей у Kriegg, Deutsches Bürgert., с. 34 и далее. Офтальмолог из Мюнхена первой половины XIV века: Monum. Boic. XXXV., 2, 94. Weinhold, Deutsche Frauen, I., S. 170 ff. Аналогичное в Любеке: Hartwig а. а. О. S. 52 f.

[22] Из реестров расходов мэров («почтовых книг») я записал следующие случаи: 1391 г., л. 2^a : *5 больших двух женщин, чтобы бежать за людьми, которые были перед городом, до Рокинген*. — 1392 г., л. 7^a: *6 в молодых женщин, бежавших в Диппург, в Омстат и в Оденвальде, чтобы тайно соединиться*. — 1414, л. 4^b : *4 в четырех женщин в лесу и вокруг него, о чем было особо предупреждено*.

[23] Ср. стихотворение «Ивейн», ст. 6186 и далее. Jäger, Ulm, с. 634. Mone, Zeitschr. IX., с. 138. XIII., с. 141 и далее. О Любеке: Hartwig, указ. соч. с. 63 и далее.

[24] Gesamtabenteuer II., 23 ff. См. также Hartwig, с. 64 ff.

[25] См. *Weinhold*, там же, с. 132. *Norrenberg*, *Frauenarbeit und Arbeiterinnen-Erziehung in deutscher Vorzeit*, Кёльн 1880, особенно с. 59 ff.

[26] См. мою работу «Население Франкфурта I», с. 343 и далее, 389.

[27] *C. Schmidt* в *Alsatia*, 1860 г., с. 187 и далее.

[28] *Norrenberg*, там же, с. 63 и далее.

[29] *Шмидт*, там же, с. 224.

[30] О бекинах (так это слово пишется во всех франкфуртских документах, а не *Beginen*, *Beghinen* или *Beguinen*) см. *Ersch* и *Gruber*, *Realenzykl. u. d. W.* — *Realenzyklopädie für die protest. Theologie* (3-е изд.), II, с. 516 и далее. — *C. Schmidt*, *Alsatia* (1858–1861), с. 149 и далее. — *Kriegk*, *Deutsches Bürgertum i. Ma.*, с. 100 и далее. — *Arnold*, *Verfassungsgesch. der deutschen Freistädte*, II, с. 173 и далее. — *Heidemann*, *Zeitschrift des bergischen Geschichtsvereins*, IV., с. 85 и далее. — *Jäger*, *Ulm*, с. 407 и далее. — *Lipowski*, *Urgeschichte von München*, II., с. 247, 274. *Hartwig*, там же, с. 80 и далее. — *Mosheim*, *De Beghardis et Beguinabus commentatio* и *Hallmann*, *Die Geschichte des Ursprungs der belgischen Beghinen*, Berlin 1843, были для меня недоступны. — В статье *Real-Enzyklopädie* очень хорошо отмечено: «В результате крестовых походов, которые унесли большую часть мужского населения Европы и, следовательно, оставили много вдов и сирот, а браки стали редкостью (), и в потребности в убежище для девственниц от почти безнадежных в то время насильственных действий рыцарских развратников, можно обнаружить причины этого необычайного роста бегинских общин из-за множества брошенных женщин, которые уже из-за недостатка приданого не могли быть приняты в монастырях». — Описание в тексте основано в основном на учете условий во Франкфурте и Страсбурге, которые значительно отличаются от условий в Нидерландах. — Те, кто сомневаются в правильности представленной в тексте популяционистской концепции бегинства, пусть ответят нам на вопрос, почему в городах, где проживают сотни бегин, бегини-мужчины всегда представлены лишь единичными личностями (редко более 2–4).

[31] По данным *Хартвига*, *Ганса*. *Geschichtsblätter*, XXXV, с. 94, *Биденфельд*, *Ursprung sämtlicher Mönchs- und Klosterfrauenorden*, II., с. 354, и *Spangenberg's Adelsspiegel*, с. 380 b f.

[32] *Ланг*, *reg. b. IV.*, 537 (у *Моне*, *Zeitschr.*, XIII., с. 140).

[33] *Cod. dipl. Siles. VIII.*, стр. 7.

[34] Документ в *Zeitschr. f. Gesch. des Oberrh.*, IX., с. 173 f.

[35] *Рейшер*, *Сборник законов Вюртемберга*, XII, с. 25.

[36] *Item von allen gotteshusen sal man bede geben und die darinne syn, sollen auch bede geben von iren gulten und guttern dartzu, obe sie uber zehen phunt heller hetten*. Frankf. *Bedeordnung* von 1475 § 56, abgedruckt in «*Kleinere Beiträge zur Geschichte*». *Festschrift zum deutschen Historikertage*. Лейпциг 1894, с. 155. — Аналогично в Любеке: *Hartwig*, *Schossbuch*, с. 53.

[37] *Шмидт*, указ. соч., с. 154.

[38] *Heidemann*, указ. соч., с. 94.

[39] Чтобы дать представление о сути таких правил внутреннего распорядка, привожу здесь краткий отрывок из устава *франкфуртского храма Seligenstadt*, основанного в 1394 году для шести бежинок, максимально приближенный к тексту оригинала: Дрова, уголь и свет сестры должны покупать на доходы от фонда, и свет не должен гореть дольше полуночи. Но если кто-то сидит дольше, она должна зажигать свой собственный свет. А дрова и уголь дети могут использовать сколько хотят. — Также дети должны самостоятельно производить ремонт своего дома, стоимость которого превышает 5 фунтов геллеров (столько ежегодно выделял на это основатель), и поддерживать здание в хорошем состоянии. Но если в течение года дом не потребует ремонта, дети должны разделить между собой и использовать для себя то, что останется сверх 5 фунтов геллеров. — Дети должны всегда жить между собой в любви, доброте и согласии, как в словах, так и в делах, и должны быть послушны пятерым (остальным) самым старшим и уважаемым из них во всех добрых мирских делах. — Кроме того, ни один из них не должен покидать дом ночью без разрешения других или старших, и те должны знать, где он будет ночевать. — Если же кто-то из них ведет себя немирно и не хочет от этого отказываться, то другие, кто бы они ни были (), должны с советом и помощью камергера Бартоломеевского монастыря изгнать его из дома Божьего, без возражений со стороны его и кого-либо другого. Даже если кто-то делал то, что не приносило чести ей и детям в доме Божьем, и это можно было доказать, она должна была быть изгнана из дома и никогда больше в нем не жить. — Также шестеро детей должны всегда выбирать из своего числа одну, которая будет главой дома и детей. Если дети захотят и сочтут это уместным, они могут сместить ее, но честным образом, и поставить на ее место другую в течение месяца, если она уйдет. Но если они не могут прийти к согласию между собой, то будет считаться действительным то, за что проголосуют три (голоса). — Если кто-то принесет или поставит в дом домашнее имущество, или если такое имущество уже находится в доме, оно должно остаться там, и если в дом придет бедное дитя, у которого нет такого имущества, его следует одолжить ему для его нужд. — Если же кто-то впоследствии установит за дом ренту, дети должны разделить ее между собой так же, как и пять фунтов денег. — Если же кто-то из детей умрет или произойдет что-то другое, остальные должны взять другого на его место в течение месяца; если же они не могут прийти к согласию, то три из них должны выбрать, кто это будет. — Уставы других домов для бедных у *Heidemann*, там же, с. 91, 94, 104 и далее. — *Alsatia*, с. 229 и далее. — *Böhmer*, Сборник документов имперского города Франкфурта, с. 593 и далее. — *Lübecker Urk.* B. VII, с. 760 и далее, и *Hartwig*, там же, с. 82 и далее.

[40] «Терциарии» в Швейцарии, о которых сообщает *Mone*, *Zeitschr. f. Gesch. d. Oberrh.* XV., с. 164 и далее, являются просто бежинками.

[41] Журнал по истории немецкой культуры, I (1856), с. 481 и далее.

[42] Лимбургская хроника, изд. *Росселем*, с. 56. 16 и далее. 20.

[43] См. *Scheible*, *Das Kloster*, с. 916. 929 прим. 11.

[44] Лимбургская хроника, с. 71.

[45] Лимбургская хроника, с. 65 и далее.

[46] См. в целом *Вайнхольд*, *Немецкие женщины в средние века II*, с. 135–151. — *Крик*, *Немецкое буржуазное общество*, новая редакция, с. 260 и далее. *Шайбле*, указ. соч., с. 459 и далее.

[47] *Siebenkees*, *Materialien*, IV., с. 583.

[48] I., 87 b III, 65. 66 у *Scheible*, указ. соч., с. 459 и далее. Я выделяю следующие места: «Поэтому такой вейбель должен уметь управлять и вести такие отряды, так же как и другие правильные отряды. Если же происходит сражение с врагами, он должен вести свой обоз так, чтобы это не создавало препятствий. Он также не должен уходить с обозом слишком далеко в сторону или стоять так, чтобы враг мог подумать и решить, что это вооруженные люди. Повозки всегда следуют за войском, чтобы они не прибывали в лагерь раньше и не убирали все, как это принято, когда прибывает отряд, чтобы никто ничего не нашел, будь то сено, солома, дерево или что-либо другое, что требуется для лагеря».... Далее «их обязанности заключаются в том, чтобы верно служить своим господам, удовлетворять их потребности, помогать простым женщинам готовить, подметать, стирать, особенно ухаживать за больными, не отказываясь от этого, иначе, когда они находятся в поле, ловко бегают, бегут, наливают, кормят, приносят еду и питье, помимо других нужд, ведут себя скромно, знают, как стоять в ряду или иначе по порядку, пользуются и держатся на подходящих рынках. Если многие из них находятся вместе в гостинице или ложементе, они редко остаются одни; там их назначают разумным военачальником или подчиняют полковнику, который должен уметь скромно вести себя среди них. Если же это не срабатывает, у него есть помощник, примерно на расстоянии вытянутой руки, который имеет право наказывать их от имени их господина, который передал его ему. Такие шлюхи и развратники, как правило, даже без этого получают хорошую порку за то, что плохо едят и пьют, прежде чем они заслужат это по своему положению; они мало пользуются благами, которые им были обещаны ранее; но с тканью нужно так поступать, иначе она потеряет цвет, если будет слишком много ленивых развратников и шлюх».

«Должность таких шлюх и развратников заключается в том, что, когда люди находятся в лагере в течение некоторого времени, они должны с благосклонностью сообщать о мусорных ямах (клоаках) и других местах, где это необходимо, чистить и подметать их; никто из них не освобождается от этого, ни большой, ни маленький... Кроме того, когда необходимо засыпать канавы, пруды или ямы, над которыми иногда возникают наводнения, или ремонтировать дороги, или когда орудия застревают и застревают; то проститутки и мальчишки вместе с назначенными лицами будут вынуждены делать, связывать и нести рис, волны, пучки дерева и помогать тянуть, где это необходимо, и что может быть полезно для толпы, они не должны отказываться, под угрозой серьезного наказания, которое будет на них наложено».

[49] *Hoyer*, *Gesch. der Kriegskunst*, I, с. 318. *Scheible*, указ. соч., с. 463 и далее.

[50] См. *Mone* в журнале «*Zeitschr. f. Gesch. des Oberrh.*», I, с. 151. IV, с. 246 и далее, *Kriegk*, «*Deutsches Bürgertum*», с. 140 и далее, а также в целом мою работу «*Entstehung der Volkswirtschaft*», с. 420 и далее.

[51] *Уланд*, *Alte hoch- und niederdeutsche Volkslieder* № 194.

[52] Там же, № 193.

[53] *Уланд*, там же, № 256.

[54] *Лимбургская хроника*, с. 35 (Россель).

[55] *Уланд*, № 189, ср. 188 «Орден ландскнехтов»:

«Во-первых, у него должна быть жена и дети,
а также собаку и мальчика:
жена и вино радуют мужчину,
мальчик и собака должны чувствовать,
что происходит в доме».

[56] Уланд № 199.

[57] О проституции в средневековье существует ряд очень подробных работ, на которые я должен сослаться здесь из-за фактических подробностей и соответствующей источниковой литературы. Наиболее важные из них: *Siebenkees*, Material. IV. *Scheible*, указ. соч., с. 454–527 и 952–981. *Schlager*, Wiener Skizzen, N. F., III., 345–470. *Kriegk*, Deutsches Bürgertum, N. F., 259 ff., 339 ff. *Maurer*, Gesch. der Städteverfassung in Deutschland, III., с. 103 ff. *Hüllmann*, Städtewesen im Ma., IV., с. 270 ff.

[58] См. *Maurer*, указ. соч., с. 103 и далее, и *Weinhold*, указ. соч., II, с. 21, прим. 1.

[59] См. мою работу «Население Франкфурта I», с. 390. Еще в 1451 году, в то время, когда совет с крайней строгостью преследовал людей, живших в гражданском браке, и проституток, не проживавших в приюте для женщин, мы находим следующую запись в книге мэра, с. 37^a: *Если проститутка, которая договорилась с клиентом, не дает ему ничего, он может ее задержать, и если хорошая девушка находится с хорошим парнем, он не должен ее принуждать к сделке, она пойдет печь хлеб, он может сказать об этом верховному судье.*

[60] Отсюда и названия: бедные, безумные, легкомысленные, слабые, изменчивые, дикие, свободные женщины, барышни, дорогие дочери, хорошие дочери и т. д. См. *Weinhold*, указ. соч.

[61] Нет необходимости перечислять здесь неисчерпаемую хронику скандалов в монастырях. Для краткости можно сослаться на хронику Циммера, из которой можно составить потрясающую картину полового разврата в конце средневековья.

[62] См. *C. Schmidt* в *Alsacia* 1858–1861, с. 202 и далее, а также *Kriegk*, указ. соч., с. 331 и далее. *Maurer*, указ. соч., с. 114.

[63] См. *Biedenfeld*, Ursprung sämtlicher Mönchs- und Klosterfrauen-Orden, I., с. 140 и далее.

[64] Как и сегодня, женские монастыри в Италии и Испании уделяют гораздо меньше внимания вопросу заработка женщин, чем в Англии и Германии, что хорошо иллюстрирует v. *Holtzendorff*, Die Verbesserungen in der gesellsch. und wirtsch. Stellung der Frauen (Virchow-Holtzendorffsche Sammlung II., Heft 40), с. 25.

[65] Притчи Соломона, гл. 31.

[66] См. прекрасные высказывания *Шеффле*, «Строение и жизнь социального организма», I, с. 192 и «Социальная система», § 46.

[67] См. мою работу «Wohnungs-Enquête in der Stadt Basel», с. 179 и далее.

[68] Это число получается, если сложить профессиональные группы А–Е и добавить к ним слуг. В 1907 году их было 1907.

	занятых	Рост с 1895 года
Мужчины	18599236	19,8
женщины	9492881	44,1
всего	28092117	27

Если же обобщить основные результаты по статистике Германской империи, т. 202, I, с. 4 и далее, для всего трудоспособного населения, включая безработных, за 1907 год и сопоставить их с соответствующими цифрами двух предыдущих переписей по профессиям, то получится следующая картина.

Население по основной профессии работающих.

Профессия и предприятий перепись	занятых лица всего	в том числе женские	Служба по домашние услуги	Члены семьи без основной профессией	занятые, служащие и члены семьи всего
1882	18986494	4961228	1324924	24910695	45222113
1895	22913683	6379942	1339316	27517285	51770284
1907	30232345	10035705	1264755	30223429	61720529
Увеличение	%	%	%	%	%
1882–1895	20,7	28,6	1,1	10,5	14,5
1895–1907	31,9	57,3	–5,6	9,8	19,2
1882–1907	59,2	102,03	–4,8	21,3	36,5

Конечно, огромный рост числа работающих женщин не распределяется равномерно по всем профессиональным группам и должностям. Поэтому необходимо более подробно рассмотреть структуру профессиональной статистики, причем для простоты сравнения следует ограничиться двумя последними переписями профессий.

Увеличение или уменьшение (–) числа занятых в период с 1895 по 1907 год составило:

Профессиональные группы и должности	Мужчины работающие	женщины	Занятые занятые в целом
А. Сельское и лесное хозяйство, садоводство, животноводство,	16,4	67,1	19.2

	<i>рыболовство</i>			
	а) Самостоятельны е предпринимател и и руководители предприятий	– 2.2	– 5.4	– 2.6
	б) Административн ый и контролирующи й персонал	5.7	–10,2	2,7
	с) Помощники, ученики (рабочие)	– 6,5	78,1	11,7
В.	<i>Промышленнос ть, включая горной промышленнос ти</i>	35,4	38,3	35,9
	а) Самозанятые и руководители предприятий	0,1	–11,9	– 2,5
	аfr) Домашние промышленники	–39,9	–12,9	–27,7
	б) Административн ый и контролирующи й персонал	144,5	585,7	160,1
	с) Помощники, ученики (рабочие)	42,6	61,4	45,9
С.	<i>Торговля, транспорт, гостиничное дело</i>	44,8	60,7	48,7
	а) Самозанятые и руководители предприятий	19,4	21,2	20
	б) Административн ый и контролирующи й персонал	70,5	564,8	93,2

	с) Помощники, стажеры	56,0	65,8	58,9
D.	<i>Домашние услуги и временная наемная работа</i>	-24,1	37,2	9,1
E.	<i>Государственная служба и свободные профессии</i>	16,1	63,2	21,9
Всего А–Е		19,8	56,6	29,2

Более половины работающих женщин относятся к профессиональной группе А (1907: 4598986), в которой очень большую роль играют члены семьи руководителя хозяйства, помогающие в сельском хозяйстве; к профессиональной группе В относятся 2103924, С: 931373, D: 320904 и E: 288311.

[69] Однокухонный дом, похоже, потерпел фиаско уже при первой попытке. Тем не менее, «Neudeutsche Bauzeitung» недавно посвятила ему специальный номер, в котором известные архитекторы и писатели-художники высказываются о «экономических и художественных возможностях однокухонного дома». Из того, что пишет об этом *ван дер Вельде*, приведем следующее: «Необходимо с энтузиазмом относиться к социальной и культурной стороне проблемы, и для тех, кто возмущается и страдает, видя, *как много женщин теряют свои лучшие качества под грузом тысячи мелких домашних забот*, эта идея является прямым спасением. Кроме того, она несет в себе зародыш *еще более полного общения между людьми, живущими в одном доме*. Ведь мы не будем долго довольствоваться домом, в котором общим является *только кухня*, мы скоро потребуем общего помещения, где *для всех чистят сапоги и чистят одежду*, где моют посуду и всю тяжелую работу по дому выполняют служащие центральной организации, которых мы не будем ни видеть, ни слышать и которым мы должны будем платить только за их услуги. Все подталкивает нас к такому развитию событий: нехватка прислуги и желание как можно реже видеть ее рядом с собой». Как видно, у женщин есть все основания для такого желания: Боже, спаси нас от наших друзей! Не граничит ли это с безумием, когда газеты в продолжение вышесказанного с одобрением повторяют следующее высказывание одной американки: «Пятьдесят огней там, где достаточно одного. Они могут, конечно, есть за семейным столом со своими детьми, если хотят, но зачем пятидесяти женщинам терять утреннее время, чтобы приготовить несколько чашек кофе и такой простой завтрак? Зачем пятьдесят огней, если двух человек и одного огня хватило бы, чтобы приготовить все это мясо и овощи? Почему ценность женского труда никогда не была признана? Почему женщины в каждой семье, где часто держат трех-четырех слуг, вынуждены посвящать все свое время (!) кухонным делам? Потому что даже те, кто хочет освобождения человечества, не поняли женщину в своей мечте об освобождении — и потому что они, с высоты своего мужского достоинства, считают недостойным думать об этих «кухонных делах», которые они свалили на плечи великой терпеливой женщины!

[70] Генеральная ассамблея Союза прогрессивных женских обществ, состоявшаяся в октябре 1909 года в Берлине, считала, что можно преодолеть ужас от результатов переписи профессий 1907 года, выступив в поддержку «Союза за ремесленное и профессиональное обучение женщин». При этом она исходила из ничем не подтверждаемого предположения, что рост числа работающих женщин с 1895 года состоял исключительно из

«неквалифицированного труда». В новой немецкой экономике женщины в основном выполняли не что иное, как «кули-работу». Теперь это должно быть исправлено с помощью профессионально-технического образования. (См. «Soziale Praxis» XIX, с. 55 и далее). Не говоря уже о том, верно ли это предположение, можно серьезно усомниться в том, что это изменит тот факт, что даже при одинаковой производительности труда заработная плата женщин ниже, чем заработная плата мужчин, и что оплачиваемый труд женщин — независимо от того, является ли он «квалифицированным» или «неквалифицированным» () — в условиях современной экономической организации () может быть в основном только зависимым трудом. — Кстати, случаи, когда проводится надлежащее обучение женщин-учениц ремеслам, уже сейчас, по-видимому, довольно часты, как показывают результаты опроса, проведенного упомянутой ассоциацией. См. об этом Volkswirtschaftl. Blätter VIII (1909) с. 397.